

ГБУК НСО «Новосибирская областная юношеская библиотека»

«Непобедимый полководец.

Путь к вершине»

Информационно-методические материалы

Новосибирск, 2018

**ББК 74.200.50 + 63.3(2)5
Н534**

Составитель: *Ковалева О.В.*

Технический редактор: *Доценко А.В.*

Ответственный за выпуск: *Терентьева Т.Н.*

Н534 **Непобедимый полководец. Путь к вершине: информационно-методические материалы / ГБУК НСО НОЮБ; сост. О.В. Ковалева. – Новосибирск: ГБУК НСО НОЮБ, 2018. – 54 с.**

Предлагаемое издание посвящено Александру Васильевичу Суворову (1729/30-1800) и содержит информационно-методические материалы в помощь формированию интереса к героическому прошлому страны и уважения к неувядаемой славе выдающегося полководца.

Издание будет интересно подросткам, как пример становления личности, участникам военно-исторических объединений, желающим детально ознакомиться с героикой прошлого времени, курсантам специализированных учебных заведений военного профиля, постигающим азы военного искусства, библиотекарям и педагогам, занимающимся военно-патриотическим воспитанием молодежи.

ББК 74.200.50 + 63.3(2)5

© Новосибирская областная юношеская библиотека, 2018

«Непобедимый полководец. Путь к вершине»

Информационно-методические материалы в помощь формированию интереса к героическому прошлому страны и уважения к неувядаемой славе выдающегося полководца

Кто-то определил талант полководца как способность принимать безошибочные решения в условиях острого дефицита времени и достоверной информации. Возможно, по скрупулезным педантичным меркам военного искусства, величайший русский полководец Александр Васильевич Суворов не был гением. Но он был больше, чем гений. Второго Суворова у России не будет никогда. Он завоевал такую всеобщую любовь современников, какой не пользовался никто. Солдаты, офицеры и генералы готовы были умереть, но выполнить его приказ, — и потому побеждали любого противника.

Не будь его побед на Рымнике и под Измаилом, в Крыму, Польше, Италии и Швейцарии, — кто знает, какой была бы последующая история России? Но Суворов не только одержал эти победы — он вырастил, воспитал, выучил, дал развернуться и проявить себя множеству замечательных военачальников: от Багратиона до Кутузова, которые потом отстояли Россию в 1812 году.

Не проигравший ни одной битвы военачальник, защитник Отечества, он считал Россию уникальной страной («Природа произвела Россию только одну. Она соперниц не имеет») и навеки остался в благодарной памяти народа и в строгих военных учебниках как непревзойденный образец патриотизма и воинского искусства.

Год рождения Александра Васильевича Суворова точно неизвестен. Это либо 1729 год, который обозначен на его гробнице, либо 1730. Но независимо от того, когда будет праздноваться юбилей, о Суворове можно говорить всегда. Биография полководца, неразрывно связанная с историей страны, позволяет обратиться не только к его жизни, но и к героическому прошлому России.

Кто-то подсчитал, что этот выдающийся военачальник дал около 60 сражений и ни одного не проиграл, хотя он имел дело не с дикими племенами, а с большими и сильными армиями. Дорога на Сен-Готард в последнем, Швейцарском походе, — это путь к вершине и в прямом, и в переносном смысле. Какие уступы пришлось преодолеть великому полководцу, чтобы воспитать могучий дух в хлипком теле, стать единственным, не знающим поражений?

Предлагаемый материал «Непобедимый полководец. Путь к вершине» посвящен рассказу о преодолении Суворовым в течение жизни трудностей. Это будет интересно подросткам, как пример становления личности, участникам военно-исторических кружков, желающим детально ознакомиться с героикой прошлого времени, курсантам специализированных учебных заведений военного профиля, постигающим азы военного искусства, библиотекарям и педагогам, занимающимся военно-патриотическим воспитанием молодежи.

Представленную информацию можно использовать полностью или выборочно, например, для подготовки игровых мероприятий.

Примерные варианты игровых заданий:

- **С Суворовым по карте континента.** Для конкурса готовится комплект карт по числу команд или участников, на каждой из которых выделяются 1-2 государства, где воевал А.В. Суворов (для усложнения задания можно выделить только контуры страны без названия). В течение 5 минут письменно или устно готовится ответ, в каких военных событиях участвовал в этой стране знаменитый полководец. Учитываются правильность и полнота ответа.
- **Он брал чины саблею:** патриотическое лото, где одна часть карточки — победа А.В. Суворова, другая — его звание.
- **Хронологическая уха:** удочкой вытаскиваются даты, касающиеся жизни Суворова, рассказывается, что в этот год произошло.
- **Блиц-опрос:** знаменитые полководцы, воевавшие вместе А.В. Суворовым.

Оформлением мероприятий могут служить афоризмы и наставления Александра Васильевича Суворова:

- Горжусь, что я – россиянин.
- Сам погибай – товарища выручай.
- С юных лет приучайся прощать проступки ближнего и никогда не прощай своих собственных.
- Я люблю правду без украшений.
- Праздность – корень всему злу, особенно военному человеку.
- Будь чистосердечен с друзьями твоими, умерен в своих нуждах и бескорыстен в своих поступках.
- За ученого трех неученых дают.
- И в нижнем звании бывают герои.
- Искренность отношений, правда в общении – вот дружба.
- Как бы плохо ни приходилось, никогда не отчаивайся, держись, пока силы есть.
- Кто напуган – наполовину побит.

«Непобедимый полководец. Путь к вершине»

Пролог. Вверх по генеалогическому древу

Суворовы происходили из старого московского служилого дворянства. Не утруждая себя родословными розысками, Александр Васильевич в автобиографии 1786 года повторил семейное предание: «В 1622 году, при жизни царя Михаила Федоровича выехали из Швеции Наум и Сувор и по их челобитью приняты в российское подданство, именуемы «честны мужи», разделились на разные поколения и, по Сувору, стали называться Суворовы». Александр Васильевич происхождения имени основателя династии – Сувор – выводил из комбинации двух финских (Финляндия являлась тогда частью Шведского королевства) слов «сууа» (глубокий) и «ваага» (опасность).

Его двоюродный брат Федор Александрович Суворов оказался более дотошным. В своем прошении он использовал родословную, согласно которой предки Суворовых вышли из Швеции в XIV веке и поступили на службу к московскому великому князю Симеону Ивановичу Гордому.

Выдающийся знаток суворовского эпистолярного наследия В.А. Алексеев отметил в 1916 году в работе «Письма и бумаги Суворова»: «Фамилия Суворова много древнее, чем он думает... Суворов не имя, а чисто русское прозвище, встречающееся во многих наших старинных фамилиях... «Сувор, суворый» — то же, что «суровый», т. е. угрюмый, сердитый. Народ употребляет это слово не только в Олонецкой губернии, но и много южнее, например в Тверской».

По мнению ученого, когда по Ореховскому миру 1323 года Великий Новгород уступил Швеции Карелию, из нее, не желая остаться «под шведом», стали выходить русские люди. Среди них были и предки Суворовых.

Прадед генералиссимуса назывался Григорием Ивановичем (сын Ивана Парфеньевича, убитого под Дубною в 1655 году во время войны с Речью Посполитой), а дед Иваном Григорьевичем. Его хорошо знал и ценил царь Петр Алексеевич. Из стрелецкой службы Иван Суворов перешел в создаваемый молодым государем Преображенский полк и дослужился до важного чина — генерального писаря в Преображенском и Семеновском полках. Фактически на его плечах лежало ведение всей служебной документации двух самых привилегированных полков русской армии.

Был дважды женат; от первой жены он имел сына Ивана, от второй (Марфы Ивановны) — Василия и Александра. В 1715 году Иван Григорьевич умер. Через три года его вдова Марфа Ивановна подала прошение на высочайшее имя, в котором писала о своей нужде: живет с двумя малолетними сыновьями Василием и Александром, просит за службу мужа наградить выморочным именем, потому что их имение в Пензенском уезде разорено во время набега ногайцев.

Ответ на челобитную неизвестен, но 9 мая 1722 года Василий Суворов был взят в денщики к самому Петру Алексеевичу. Каждый, кто поступал в императорские денщики, обязательно зачислялся в гвардию. По исповедным росписям получается, что отец Александра Суворова родился либо в 1708, либо в 1704 году, большинство же авторов склоняются к 1705. В одном из писем Александр Васильевич, говоря об отце, сообщает: «Сей родился в 1709-м году». Это хорошо согласуется (с поправкой на год) с записями в двух исповедных ведомостях. Из них же можно установить и год рождения матери Суворова — 1710 или 1711. Родив 25 января 1745 года младшую дочь Марию, Авдотья Федосеевна в конце того же года не смогла присутствовать на исповеди — возможно, к этому времени ее уже не было в живых.

Крестным отцом Василия Ивановича был Петр Великий, что легко объясняется местом служения Ивана Григорьевича в Преображенском полку и в Преображенском приказе. В короткое царствование вдовы Петра Великого Василий Суворов был пожалован в сержанты гвардии, а при Петре II стал (29 июля 1727 года) прапорщиком Преображенского полка.

После смерти Петра II 15 февраля 1730 года как правительница торжественно въехала в Москву племянница Петра Великого Анна Иоановна. На следующий день императрица пожаловала новые чины целой группе офицеров-преображенцев. Василий Суворов получил чин гвардии подпоручика. Таким нехитрым способом новая власть рассчитывала укрепить свои позиции. В это время Василий Суворов

решил связать свою судьбу с Авдотьей Мануковой. Мать будущего полководца принадлежала к обрусевшему армянскому роду. Ее дед Семен Иванович служил в Преображенском полку вместе с Иваном Григорьевичем Суворовым. Как и другие гвардейские офицеры, не раз выполнял ответственные поручения царя-реформатора. Сын Семена Ивановича пошел по гражданской линии. По указу Петра он описывал завоеванную Ингерманландию.

Мануков прослужил почти 60 лет и дослужился до звания вице-президента Вотчинной коллегии, ведавшей дворянским землевладением. Он умер в феврале 1739 года, завещав дочери Авдотье дом «в Земляном городе на Большой Арбатской улице». Соседний переулок по имени владельца дома назывался Мануковым.

Собственный дом имелся и у Василия Ивановича Суворова. Находился он в пригородном селе Покровском на реке Яузе. Это была настоящая городская усадьба, весьма обширная (длина по фасаду 135 метров!). Иван Григорьевич Суворов владел ею с того времени, когда молодой Петр приступил к формированию и обучению первых гвардейских полков — Преображенского и Семеновского. Василий Иванович владел приблизительно тремя сотнями душ мужского пола, т.е. был человеком обеспеченным, но не богатым.

Императрица Елизавета Петровна, придя к власти и формируя свою администрацию, вспомнила деятельного отцовского денщика. Василий Иванович Суворов сначала отправляется воеводой во Владимирскую провинцию Московской губернии, но, едва прибыв во Владимир, получает новое назначение — «о бытии в Генералбергдирекции прокурором». 24 февраля Суворов-старший приступил к исполнению обязанностей и вскоре столкнулся со ставленником Бирона генерал-директором саксонцем бароном Куртом фон Шембергом. Причиной конфликта стала попытка Суворова навести порядок в важном государственном ведомстве. Правительство поддержало прокурора. 24 октября 1743 года горные заводы были у Шемберга отобраны, а сам он за многочисленные нарушения, в том числе хищение государственных средств, оказался в тюрьме и вскоре был выслан из России.

Императрице Елизавете Петровне приписывают такие слова: «Суворов мне очень предан и в высокой степени неподкупен; он без труда понимает, когда возникает дело в тайной канцелярии; я бы желала доверяться только ему, но должна держать в узде его суровость, чтобы она не перешла границ, которые я себе предписала». В годы Семилетней войны 1756-1763 годов ведал организацией тыла русской армии. В отставку он вышел при Екатерине II – сенатором и генерал-аншефом.

Василий Иванович имел сына Александра и дочерей Анну и Марию. Анна вышла замуж за генерала князя Ивана Горчакова, их сыновья Алексей и Андрей тоже стали генералами. Портрет Андрея находится в Военной галерее Эрмитажа. Дочь, княжна Аграфена Ивановна Горчакова, вышла замуж за немолодого Дмитрия Ивановича Хвостова, более известного тем, что писал плохие стихи и имел прозвище Митюха Стихоплетов. Современники утверждали, что Аграфена Ивановна славилась глупостью так же, как ее родной дядя Суворов – победами. Из трех ее дочерей ни одна не блистала ни умом, ни красотой. Из братьев только у старшего была дочь, но она умерла в молодом возрасте.

Александр Васильевич Суворов женился в 44 года. Жену – 24-летнюю Варвару Прозорову – подобрал ему отец, исходя из критериев внешности и знатности рода. Хорошенькая и неплохо образованная по тем временам невеста (умела читать и писать!) была дочерью отставного генерал-аншефа князя Ивана Андреевича Прозоровского и Марии Михайловны, урожденной княжны Голицыной. Прозоровские входили в русскую аристократическую элиту, тетка невесты – Екатерина Михайловна Голицына – была женой П.А. Румянцева.

Отец невесты промотал состояние, и потому Варвара Ивановна была бедна, а приданое, всего в пять тысяч рублей, дали ей князья Голицыны, и потому можно считать этот брак, со стороны Прозоровских, браком по расчету. Вряд ли девушка могла оценить по достоинству будущего супруга. Роскошной внешностью Суворов не был отмечен, а ничего другого понять молодая жена была не в силах.

Александр Васильевич женился с той же стремительностью, которая характеризовала все его поступки. 18 декабря состоялась помолвка, 22 – обручение, 16 января 1774 года – венчание и свадьба. В 1775 году у супругов родилась дочь Наталья. Генерал не чаял души в своей «Суворочке», писал: «Смерть моя для Отечества, жизнь моя – для Наташи». Он слал ей трогательные письма и подарки из всех уголков России. Отношения с женой были плохими. Они были как будто из разных миров: он стар, она молода, он мал, некрасив, она – русская дородная красавица, он – чудаков-воин, она – аристократка с массой светских предрассудков, он богат и скуп, она – мотылька, любящая жить на широкую ногу. И при этом родственные характеры – оба вспыльчивые, неуступчивые.

В 1779 году Суворов начал бракоразводный процесс, однако вскоре приостановил его под давлением родственников жены и других влиятельных лиц. В 1784 году полностью разорвал отношения с женой, девятилетнюю дочь Александр Васильевич поместил на воспитание в Смольный институт. В свое время Наталья Суворова вышла замуж за Николая Зубова, брата могущественного фаворита. Связь с Зубовыми стала позже одной из причин опалы полководца при Павле I.

Графиня Наталья Александровна Зубова, овдовев в 1805 году, выказала себя рачительной хозяйкой, сумела поставить на ноги троих сыновей и устроить судьбу трех дочерей. В грозном 1812 году, когда войска Наполеона вступали в Москву и многие жители, не желая оставаться под игмом захватчика, устремились из города, экипаж дочери Суворова задержался с выездом и был остановлен французским патрулем. Графиня Наталья Александровна назвала имя своего отца, и офицер, отдав честь дочери прославленного полководца, приказал пропустить экипаж. Такова была слава Суворова среди врагов. Среди ее потомков больше всего известен праправнук полководца, основатель Института истории искусств и Гатчинского дворца-музея Валентин Зубов (1884-1969).

В 1784 году на свет появился сын Александра Васильевича Аркадий. С двух лет он находился при отце, участвовал в Итальянском и Швейцарском походах. Разбив в 1789 году турок, Александр Васильевич обрел графский титул и по месту победы стал именоваться Суворовым-Рымникским, с правом передачи этого титула и фамилии мужскому потомству. И вот страшная ирония судьбы – законный сын и наследник во время очередной войны против турок утонул 13 апреля 1811 года при переправе через Рымник, спасая своего денщика. Ему было всего 27 лет, а он уже дослужился до генерал-лейтенанта, не столько, впрочем, по реальным заслугам, сколько благодаря магии имени, хотя слыл неустрашимым и волевым военачальником.

В браке с Елизаветой Нарышкиной у Аркадия родились дочери Мария и Варвара и сыновья Александр и Константин. После гибели князя Аркадия Александр I повелел принять его сирот на государственное обеспечение. Константин сделал благополучную придворную карьеру, но остался бездетным. Судьба Александра гораздо интереснее. Ненадолго угодив под арест в связи с делом декабристов, Александр Аркадьевич Суворов продемонстрировал свою преданность престолу в войне против Персии (1826-1828), а в войну против турок (1828-1829) уже состоял при особе государя.

Когда в 1831 году фельдмаршал Паскевич подавил польский мятеж, он отправил гонца в Петербург с известием: «Варшава у ног Вашего императорского величества». Этим гонцом был Александр Суворов, чей дед брал Варшаву еще в 1794-м. Этот эффектный пиар-ход был отмечен Пушкиным, чье стихотворение «Бородинская годовщина» завершается строками о том, как великий Суворов приветствует «младого внука своего».

В 1861 году Александр Аркадьевич стал петербургским генерал-губернатором, завоевав репутацию прогрессивного и широко мыслящего администратора. Когда подавившему очередное польское восстание Михаилу Муравьеву верноподданническая общественность решила поднести приветственный адрес, Суворов отказался его подписывать. И хотя либералы уже прикрепили к Муравьеву ярлык-прозвище «Вешатель», генерал-губернатор почему-то обозвал его «людоедом». И тогда один из «подписантов» Федор Тютчев припечатал Александра Аркадьевича стихом:

*Гуманный внук воинственного деда,
Простите нам, наш симпатичный князь,*

*Что русского честим мы людоеда,
Мы, русские, Европы не спрость!..*

Завершался стих, разумеется, апелляцией к генералиссимусу:

*Так будь и нам позорною уликой
Письмо к нему от нас, его друзей!
Но нам сдается, князь, ваш дед великий
Его скрепил бы подписью своей.*

Так, благодаря деду, Александр Аркадьевич второй раз угодил в антологию русской поэзии.

Репутация либерала вышла ему боком, когда в 1866 году Дмитрий Каракозов устроил покушение на царя. Как лицо, ответственное за порядок в столице, Суворов оказался «крайним». Должность генерал-губернатора ликвидировали, а вся власть в городе была вручена обер-полицмейстеру Федору Трепову.

Александр Аркадьевич, впрочем, остался в свите Александра II. 1 марта 1881 года именно он сообщил собравшемуся перед Зимним дворцом народу о кончине царя-освободителя.

В браке с Любовью Ярцовой у Александра Аркадьевича появились на свет трое детей, а дочери Любовь и Александра родили еще девятиерых внуков и внучек. Но вот единственный продолжатель фамилии – сын Аркадий – умер бездетным, и с его смертью пресеклась династия Суворовых-Рымникских.

Потомков полководца довольно много, но их генеалогия идет от дочери, внучек и правнучек генералиссимуса. Соответственно, и фамилии у них другие – Зубовы, Горчаковы, Щербатовы, Голицыны, Мезенцевы, Молоствовы. Правнучка полководца по линии Суворочки – Ольга Нейдгардт – была замужем за премьер-министром Петром Столыпиным. И это, пожалуй, единственная фамилия, которая может сравниться со славным именем – Суворов.

Преодоление первое. «Ростом мал, тощ, хил, дурно сложен и некрасив»

Год рождения Александра Васильевича Суворова точно неизвестен. Большая часть его историографов принимают 1729 год, который обозначен и на его гробнице; но в одной из официальных бумаг он говорит, что вступил в службу в 1742 году, имея от роду 15 лет. По другим его показаниям, рождение его можно отнести и к 1729, и к 1730 году. Дополнительная информация, однозначно указывающая дату рождения, до настоящего времени не выявлена. Некоторые источники отмечали, что родился он в день памяти Иоанна Златоуста: в православии – 26 ноября. Также доподлинно не установлено место рождения; большинство исследователей склоняются к тому, что он родился в Москве, другие, что в Финляндии, но ничем своих слов не доказывают.

Василий Иванович Суворов сына своего предназначал к деятельности гражданской, быть может дипломатической. Хотя военная карьера была наиболее почетною, но решение отца оправдывалось тем, что сын казался созданным вовсе не для нее: был ростом мал, тощ, хил, дурно сложен и некрасив. Хотя имя-то ему дано было в честь Александра Невского не без надежды, что станет он действительно «александром» (по-гречески «защитник людей»).

К тому же для кандидатства на военное поприще было уже упущено много времени. С Петра Великого каждый дворянин обязан был вступать в военную службу, начиная ее с низших чинов; даже знать не могла отделяться от этого общего закона. Нашли однако средство исполнять постановление по букве, обходя его по духу. Дворяне, особенно знатные и богатые, записывали своих сыновей в гвардию при самом их рождении или в годах младенческих, иногда капралами и сержантами, а у кого не было случая или связей — просто недорослями, и оставляли их у себя на воспитании до возраста. Подобные унтер-офицеры-младенцы производились нередко в офицеры, затем повышались в чинах, в весьма юном возрасте переходили с повышением в армейские полки и таким образом легко, особенно при сильных покровителях, достигали высших степеней в военной или гражданской службе, если

первую меняли на вторую. В 70-х годах в одном Преображенском полку считалось больше 1000 подобных сержантов, а недорослям не было почти и счета.

Василий Иванович сына на военную службу не записал. А между тем в нем мало-помалу обнаружилась сильнейшая склонность к военной специальности. Принявшись за чтение, Александр стал останавливаться на книгах военно-исторического содержания, потом искать их и ими зачитываться.

От природы живой, веселый и подвижный, он засиживается за книгами или скачет верхом, в непогоду, возвращается усталый, промокший, пронизанный ветром. Все это тогда, когда ему было не более десяти лет. Спит только на жесткой постели (как Александр Македонский) и ходит в легкой одежде, чтобы привыкнуть к походным условиям и холоду, как его кумиры – великие воины.

Позднее отставной сержант Иван Сергеев, находившийся при Суворове безотлучно шестнадцать лет, вспоминал: «Постелью ему служило сено, уложенное так высоко, как парадная кровать. Над сеном постилась толстая парусинная простыня, на нее тонкая полотняная, в головах две его пуховые подушки, которые везде за ним возились. Третья полотняная простыня служила ему вместо одеяла. В холодное время он еще сверх того накрывался синим плащом.

Встав с постели еще не одетый, он начинал бегать взад и вперед по спальне, а в лагере по своей палатке, и маршировал в такт. Это продолжалось целый час до чая, между тем, держа в руке тетрадки, он громко твердил татарские, турецкие и карельские слова и разговоры. Для упражнения в карельском языке, он даже держал при себе несколько карелов, из собственных своих крестьян. Окончив уроки, которые продолжал таким образом ежедневно, он умывался. Рукомойников никогда не подавали ему; вместо того приносили в спальню два ведра самой холодной воды и большой медный таз, в два же ведра.

Зимой, ни в какую стужу он не носил на себе не только мехового платья, но даже теплых фуфаяк и перчаток, хотя бы целый день должен был стоять на морозе, в одном мундире. Плаща и сюртука не надевал в самый дождь. Императрица Екатерина II пожаловала ему и при себе велела надеть в Таврическом дворце дорогую соболью шубу польского покроя, крытую разрезным зеленым бархатом, с золотыми петлицами на переду, и с золотыми на шнурках кистями, и просила его ездить в ней. Из повиновения к царице Суворов несколько раз надевал шубу – при выходе из кареты, в которой возил ее».

Увлечение чтением, отчужденность бросались в глаза: сверстники смеялись над ним. Василий Иванович делал сыну замечания, выговоры, — мальчик стал все больше замыкаться в своем любимом мире, питаться мечтами и грезами своего распаленного воображения. Внутренняя работа продолжалась, препятствия только вырабатывали в ребенке волю, и без того замечательно упругую, и дело двигалось своим путем.

Отец ломать сына не стал, по легенде благодаря в особенности генералу Ганнибалу, питомцу Петра Великого, который посоветовал не препятствовать Суворову в его слишком определенных стремлениях, а поощрять его в предпринятых занятиях и сказал, что Петр Великий непременно поцеловал бы мальчика в лоб за его настойчивые труды.

И вот, юный Суворов погрузился в изучение Плутарха, Корнелия Непота, деяний Александра, Цезаря, Ганнибала, Карла XII. В какой-то момент он решил выбрать себе среди военачальников кумира и остановился на Петре. И своих подчиненных Александр Васильевич позже будет наставлять: «Выбери себе героя, бери пример с него, подражай ему в геройстве, догони его, перегони – слава тебе!»

Суворов был самоучка, ход его образования не отличался ни строгою системой, ни методом. С самых ранних лет, увлеченный примерами военных знаменитостей, он ими только и жил, ими только и дышал, но общее образование тоже не было забыто: пройдена история, география, даже начала философии; артиллерию, фортификацию и, вероятно, начала математики взял на себя отец. Весьма важную роль в образовании Суворова занимала религиозная сторона; он отличался набожностью и благочестием, любил сидеть над библией и изучил в совершенстве весь церковный круг.

Уступая желанию сына, Василий Иванович записал его, в 1742 году, в гвардию, в Семеновский полк рядовым. Полк этот Василий Иванович избрал скорее всего потому, что место его расположения – Семеновская слобода – находилось на берегу Яузы, как раз напротив дома Суворовых. Просьба его была удовлетворена.

22 октября 1742 года Суворов был зачислен в лейб-гвардии Семеновский полк солдатом «сверх комплекта без жалования». С этого момента официально началась его служба, фактически проходившая для получения образования в домашней обстановке. В декабре 1747 года Суворов с двумя крепостными (Ефимом Ивановым и Сидором Яковлевым) отправился в Петербург для прохождения действительной военной службы. Удостоился зеленого солдатского мундира с капральской нашивкой.

Все его время, без малейшего исключения, уходило на службу, на посещение классов кадетского корпуса и на домашние научные занятия; он решительно не бывал нигде, кроме этих трех мест. Корпусными уроками он не ограничивался и продолжал усиленно заниматься дома, на небольшой наемной квартире, ибо в казармах не жил.

Получая от отца известную сумму на свое содержание, конечно очень небольшую, Суворов однако ухитрялся делать экономию и все скопленное употреблял на покупку книг; но так как остатки были не велики, то доставал книги на прочтение отовсюду, откуда только мог. Так проходило его время в продолжении нескольких лет подряд, и Суворов быстро формировался умственно. По всему этому казалось бы, что из него должен был выйти ученый теоретик, так как военная служба вовсе не требовала в то время солидного образования, и невежество было почти сплошное, ни мало не препятствуя движению вперед по чиновной лестнице.

Суворов же изучал усиленно теорию для того, чтобы сделаться исключительно практиком. Он понимал, что изучение облегчает и сокращает уроки опыта. Не стал бы он тратить время на самообразование, если бы не осознавал, что без науки самому храброму офицеру трудно сделаться искусным офицером; что природный дар, без образования, если и может быть уподоблен благородному металлу, то разве что неочищенному.

Занимаясь теорией военного дела многие годы, он относился к изучаемым предметам не рабски, а самостоятельно и свободно. Суворов искал не столько частного, сколько общего. Основные начала военных операций неизменны во все времена и независимы от условий оружия и места; только приложение их к делу изменяется. В древнее и в новое время победы выигрывались, благодаря одним и тем же первоначальным причинам, оттого изучение великих военных мастеров классической древности было весьма полезно. Суворов к ним пристрастился и считал их своими учителями. Позже, в переписке и беседе, он часто вспоминал высокочтимые им имена Александра, Цезаря, Ганнибала и любил на них ссылаться.

Каков он был в занятиях научных, таков и в службе. Поступив в полк на 15 году от роду, он тотчас же сделался действительным солдатом. Служба не была для него тяжким трудом, не представлялась рядом скучных, формальных, мелочных обязанностей. Он ей учился, учился с увлечением, с радостью; знакомился с нею во всех подробностях, для него даже необязательных; нес на себе обязанности солдата в служебных положениях важных и неважных, легких и трудных. Для него это было нужно, как нужны были научные занятия; перед ним в неопределенной дали светилась едва видимая точка, дойти до которой он задался во что бы то ни стало, хотя и без связей и покровительства, без большого состояния, безвестный, неказистый, хилый.

Но Суворов чувствовал в себе достаточно сил для того, чтобы добиваться этой якобы несбыточной мечты, определил к тому средства, обдумал программу. В программу входили развитие ума и укрепление тела, что он уже делал; входило в нее и изучение солдатской среды, решение освоиться с нею вполне, без оглядок и компромиссов. К этой части программы он и приступил тотчас, как попал в полк, — и стал действительным, заправским солдатом. Он быстро установил свою служебную репутацию как человека, на которого всегда и во всем можно положиться.

Суворов изучил во всей подробности воинские уставы и постановления, бывал постоянно на строевых ученьях и ходил в караул; сам чистил ружье, разделял с нижними чинами все их служебные труды. Все было для него достойно внимания и строгого исполнения; он ничего не делал на половину или кое-как, все заканчивал; всякую обязанность свою или служебное требование исполнял с величайшею точностью, граничившею с педантством.

Однажды, когда он стоял на часах у Монплезира в Петергофе, мимо него проходила императрица. Она обратила внимание на небольшого, но подтянутого бравого солдата и спросила, как его зовут. Он отрапортовал. Она вынула рубль и протянула ему. Он ответил:

– Согласно уставу караульный не должен брать денег!

Елизавета Петровна похвалила его за знание службы, потрепала по щеке и положила рубль перед ним на землю:

– Возьмешь, когда сменишься.

Так он и поступил, храня подарок государыни всю жизнь.

Суворов был образцом для всех. Между тем это не могло доставаться ему легко из-за слабого здоровья. Но Александр Васильевич и тут вышел победителем, продолжая начатую дома закалку. Это был целый прикладной курс гигиены, обдуманый и с большим терпением исполняемый. Суворов положительно укрепил свое здоровье и, будучи с виду тщедушным и хилым, лучше иных здоровяков переносил усталость, голод, ненастье и всякого рода лишения.

Из письма к отцу А.В. Суворова его ротного командира лейб-гвардии Семеновского полка: «Сын Ваш, по усердию к службе, по знанию ее и по поведению — был первым солдатом во всей гвардии, первым капралом, первым сержантом. Всегда ставили мы его в пример и молодым дворянам, и сдаточным, потому что сын Ваш не только не хочет отличиться от простых солдат, но напрашивается на самые трудные обязанности службы. Большую часть времени проводит он с солдатами в казармах и для того только имеет свою вольную квартиру, чтоб свободно и беспрепятственно заниматься в ней науками. Деньги, которые Вы присылаете, издерживает он только на помощь солдатам, на книги и на учителей и с усердием посещает классы Сухопутного Шляхетского Кадетского корпуса в часы преподавания военных наук. Никогда, подобно другим дворянам, не нанимал он за себя других солдат или унтер-офицеров на службу, а напротив, охотно ходит в караул за других. Для него забава стоять на часах в ненастье или жестокою стужу.

Простую солдатскую пищу предпочитает он всем лакомствам. Никогда не позволяет он солдатам, которые преданы ему душою, чистить свое ружье и амуницию, называя ружье своей женою. Когда солдаты, которым он благодетельствует, просят его позволить им сделать что-нибудь для него удобное — он принимает от них только одну жертву, а именно, чтоб они для его забавы поучились фронту и военным эволюциям под его командой! Несколько раз заставлял я его на таком учении, когда он, будучи еще рядовым, командовал несколькими сотнями. Хотя это учение было — только игры, но он занимался им с такой важностью, будто был полковым командиром — и требовал от солдат даже более, нежели мы требуем на настоящем учении. У него только одна страсть — служба, и одно наслаждение — начальствовать над солдатами! Не было исправнее солдата, зато и не бывало взыскательнее унтер-офицера, как Ваш сын! Вне службы — он с солдатами как брат, а по службе неумолим. У него всегда одно на языке: дружба дружбой, а служба службой!»

Долго тянул Суворов солдатскую ляжку. Он прошел все ступеньки военной профессии, педантично и точно, как и должно быть в армии. В 1747 году был произведен в капралы, через два с половиной года в подпрапорщики, в 1751 году в сержанты. Наконец 15 апреля 1754 года Суворов был произведен в офицеры. Свои сержантские обязанности он исполнял совершенно с тою же добросовестностью, как служил прежде простым солдатом.

Жизнь в полку была для него прекрасной школой, он усвоил военную службу во всех ее подробностях и во всех мелочах; больше же всего он сроднился с бытом русского солдата и с духовной стороной его бытия, благодаря чему и получил возможность полного нравственного воздействия на

души тех, к кому стоял всегда так близко; он выработал в себе особый лаконизм речи, где каждое слово глубоко западало в солдатское сердце и сразу завладевало им. Служа примером скромного образа жизни, искренней религиозности и непоколебимой преданности долгу, Суворов, вместе с этим обладал непринужденной веселостью и юмором, присущими русскому человеку вообще; такие черты его характера, совокупно с простотою обращения, не могли не нравиться солдатам, видевшим в нем не барчука, гнушающегося их казарменной жизнью, а человека вполне сроднившегося с ними. И, действительно, чего желал Суворов, то и свершилось: он сделался солдатом до мозга костей, и ничего в этой сфере не было для него тайного и сокрытого.

Солдатский образ жизни привился к нему настолько, что он не изменял ему даже будучи фельдмаршалом, генералиссимусом и кавалером всех высших орденов – по-прежнему любимым питьем ему служил солдатский квас, лучшим обедом – щи и каша, а самым покойным ложем – простая солома. Здоровье свое, казавшееся столь слабым в детстве, он продолжал закаливать и на службе, поборов в этом отношении природу, и притом настолько, что до глубокой старости мог переносить, наряду с простыми солдатами, все труды и лишения боевой жизни, поражал всех способностью не смыкать глаз накануне битвы, весь день не слезать с лошади, быстро оправляться после ранений, переносить все трудности зимних и летних походов.

...В одном из английских журналов того времени был карикатурно изображен усатый великан с огромной саблей в руке; подписано, что это – Александр Суворов, имеющий рост 6 футов 4 дюйма (под два метра!). В одном они не погрешили против истины: был он действительно чудо-богатырем по силе духа и уму, оставался частицей русского народа, воплощая в себе лучшие его качества. И с непреклонным упорством шел по намеченному в детстве пути.

Преодоление второе. «Невежество, неустройство, вялость, неспособность действующей армии»

Он положил руку на сердце солдата и изучил его биение.

(Д.В. Давыдов)

Произведенный в офицеры, Суворов расстался с Семеновским полком и поступил в армию, в Ингерманландский пехотный, поручиком. Поздно дослужился он до офицерского чина; ему тогда шел уже 25 год, а в этом возрасте многие в то время бывали полковниками и даже генералами. Но производство в чины наверстать было можно впоследствии, что он и сделал, а долгая, тяжелая солдатская школа никаким дальнейшим опытом не заменялась. Суворов это хорошо понимал и позже говаривал: «Я не прыгал смолоду, зато прыгаю теперь». Он не был скороспелкой, как многие другие, зато успел развить в себе качества, искусственному росту не присущие.

В Ингерманландском полку прослужил он около двух лет. В январе 1756 года его повысили в обер-провиантмейстеры и послали в Новгород; в октябре того же года сделали генерал-аудитор-лейтенантом, с состоянием при военной коллегии; в декабре переименовали в премьер-майоры.

Это не прошло бесследно и принесло ему пользу. Спустя 35 лет, в Финляндии, поставленный в необходимость приводить в порядок хозяйственную часть войск, он замечает в одном из своих писем, что этот род службы для него не новость, что он подготовился к нему раньше, когда был обер-провиантмейстером.

Суворов продолжал ревностно заниматься своим умственным образованием, которое приняло теперь более общее развитие. Он не хотел быть только ремесленником военного дела и именно потому, что ставил его выше всякого другого. Из предметов общего образования история и литература стояли у него на первом плане, но не исключали никаких других знаний. Литературные знаменитости последнего времени были ему хорошо известны, и он любил их впоследствии цитировать при каждом удобном случае. Он теперь не только много читал, но пробовал и писать.

В Петербурге, при кадетском корпусе, составилось в царствование Елизаветы Петровны первое Общество любителей русской словесности и первый русский театр. Находясь временами в Петербурге,

Суворов посещал это общество и читал там свои литературные опыты. Они написаны в любимой форме того времени – в виде разговоров в царстве мертвых. Беседует Кортес с Монтесумой и Александр Македонский с Геростратом. Монтесума доказывает Кортесу, что благодать и милосердие необходимы героям. Во втором разговоре автор, сопоставляя подвиги Александра с поступком Герострата, старается показать разницу между истинною любовью к славе и тщеславной жаждой известности.

Суворов написал оба разговора в 1755 году и читал их в Обществе любителей русской словесности. Они были напечатаны в 1756 году, в издававшемся при Академии наук первом русском журнале под заглавием «Ежемесячные сочинения». Под первым разговором подписано «С.» под вторым «А.С. ».

Взглядов, выражающееся в словах Монтесумы и Александра, Суворов держался постоянно, всю свою жизнь; это доказывает, что в молодости он обладал уже полным самосознанием и правилами, выработанными близким знакомством с историей и работой собственной мысли. Человек, вступающий на жизненное поприще с добытыми таким путем основаниями, не может не иметь будущности. Недаром один из иностранных писателей сказал, что Суворов завоевал сперва область наук и опыты минувших веков, а потом победу и славу.

Если внутреннему порядку и гарнизонной службе в Семеновском полку можно было выучиться, то боевому делу едва ли. Подготовка к нему ограничивалась строевыми учениями тогдашнего типа, без малейшего намека на боевое дело: металы ружьем, строили разные фигуры и, конечно, ходили церемониальным маршем — последнее в избытке. Правда, иногда еще упражнялись в пушечной и ружейной не стрельбе, а пальбе, т.е. вхолостую. В старину в мирное время учили всяким ненужностям, и чем мир был продолжительнее, тем, конечно, усовершенствование этих пустяков шло дальше: усложнялись приемы, придумывались занятия вроде беления амуниции, пудрения волос. Нужно было бессрочного, а впоследствии 25-летнего служивого занять; и вот занимали, повторяя из года в год то, что он знал с первого, много со второго года службы. И каждый год начинали все с тех же азов, что и с новобранцами.

Дело в том, что вогнать человека в привычку беспрекословного и быстрого повиновения, — повиновения не рассуждая, не думая, а рефлексивно, — есть основная задача воинского воспитания, и упражнение в пустяках, конечно, этой цели достигает; но оно не только не дает никакого представления о боевом назначении воина, а с течением времени даже отвращает от него, вплоть до выработки афоризмов, вроде «ничто так не портит войска, как война».

Понятно, что из подобной школы Суворов мог вынести только привычку к исполнительности и порядку: привычка, бесспорно, важная и необходимая во всякого рода деятельности, но не доставало одного: применения выработанной привычки к тому делу, для которого солдат назначается и без практики в котором он не солдат, а кукла для столь же красивых, сколь и бесплодных представлений.

Кажется, чего проще было попасть на мысль, что вогнать в повиновение можно и упражняя войска в прямом их деле, а не в плацпарадных фокусах, имеющих с ним общего только то, что страдательную роль в обоих случаях играют те же солдаты? А до Суворова этот открытый всякому секрет не только не приходил никому в голову, но даже и тогда, когда Суворов сделал это великое открытие и начал его применять (с каким успехом, известно), он последователей себе не нашел.

С производством в армию, Суворов увидел нечто еще более грустное: «Русская армия в молодые годы Суворова переживала состояние переходное, тяжелое. Большинство офицеров в ней были мало или вовсе неграмотны, полковые командиры злоупотребляли своей обширной властью; полковые штабы коллегиально вершили все дела, служба отправлялась только исподволь. Таким образом, и солдатская жизнь, и первые годы офицерской службы Александра Васильевича были для него отрицательными образцами. Невежество, неустройство, вялость, неспособность, вот что встретил в действующей армии Суворов; движения войск были медленны, переходы иногда не более 8 верст в сутки, дисциплина расшаталась.

«Я сам,— писал про себя Суворов,— будучи зачислен в армию после долгой и честной службы, три года никуда не годился. Они (полковники) расслабляют своих офицеров – сибариты, но не спартанцы делаясь генералами — подкладка остается та же». Тот же отпечаток лежал на тактической подготовке войск. Наступление и перестроение в эпоху Семилетней войны совершалось так медленно, что пехотному полку на построение требовался целый час, а для армии — сутки».

Ни в гвардии, ни в армии Суворов не нашел образцов того спартанского образа жизни, которому он себя подчинил впоследствии и оставался ему верен до конца своего поприща. Немногому выучился он и на войне, давшей только отрицательные примеры; но, чтобы их отрицательность оценить, нужно уже было и в то время иметь свой критерий; ведь сотни и даже тысячи участников в этих отрицательных примерах находили, что все идет, как следует и что иначе и идти не может. В том и особенность исключительных натур, что они видят вредное и опасное там, где другие не видят ничего особенного, или видят даже хорошее.

Из книг Суворов выучился необъятно многому, такому, чего сотни и даже тысячи читающих те самые книги в них не находили. Выучился так называемому «открытому секрету». В этом его самобытность, в этом его исключительность.

Рим его научил, что солдата должно беречь, но баловать не должно; что работа солдата в мирное время должна быть такова, чтобы война для него была отдыхом; но работа не бесцельная, а или подготовительная — боевая в прямом смысле, или общепользная государственная, вроде проведения дорог.

У Цезаря увидел, что только тот может требовать чрезвычайных усилий от солдат, кто способен сам при случае дать таковые. У новейших писателей он вычитал то же самое: «война в ногах», «люди на войне делают не то, что нужно, а то, чему их учили».

Вооруженный этим «открытым секретом», Суворов стал его применять, как только попал на самостоятельную работу, и создал систему воспитания и образования войск, поражающую логической выдержкой и художественной законченностью.

Начинает он с церкви и с двух школ (в то время!): для офицерских и для солдатских детей. Строят, конечно, солдаты; ибо строят для себя же, т.е. для полка. Затем непрерывные усиленные марши, днем и ночью, во всякую погоду; при случае — штурм; на всяком учении, перед разводом, упражнение в атаке непременно на видимую цель, и в сквозной — против товарищей. При удобстве расположения — сквозные атаки не только с пехотой, но с конницей и артиллерией. Следовательно, вся повадка римская, но с собственными прибавлениями.

6 апреля 1763 года Суворов был назначен командиром Суздальского пехотного полка, расквартированного в Новой Ладогe, что в ста сорока верстах к северу от Петербурга. Здесь он начал важный эксперимент — обучение по новому собственному уставу, который основывался на практике армейской жизни. Решающее значение в обучении солдат Суворов придавал нравственному элементу. Он понимал, что для этого следует узнать солдатскую душу и сродниться со своими подчиненными, понять их и найти слова, близкие их уму и сердцу. Поэтому Суворов, как говорил он сам, был все время среди солдат, «и майором, адъютантом, вплоть до ефрейтора». Он обходился солдатской кашей и черным хлебом, спал на сене, ходил по лагерю в старой гренадерской куртке, а летом — в холщовой нижней рубахе.

Учения в полку чаще всего были короткими, проходили в поле или в лесу, иногда это были длинные, трудные походы, днем и ночью, в непогоду, в морозы и слякоть, с форсированием рек и даже со штурмом «фортеций». Суворов считал, что самый верный способ приучить человека смело смотреть опасности в глаза — это не пережидать ее, а идти ей навстречу. Поэтому такое внимание он уделял наступлению, непрерывным маршам, особенно ночью.

Солдаты-суздальцы отличались тем, что «каждый из них знал свой маневр» и, что еще важнее, мог возражать старшему, если был способен предложить лучшее решение. Единственное условие:

чтобы такое возражение «делалось пристойно, наедине с начальником, а не в многолюдстве, иначе будет буйством».

Суворов всячески сохранял здоровье солдат, полагая главными средствами чистоту, умеренность и постоянный труд, который считал «здоровее покоя», и непременно доброкачественную свежую пищу. Он и сам был для солдат примером: не имел ни собственного экипажа, ни выездных лошадей, обходясь казацкими конями. Спать ложился рано, вставал в два часа ночи. При наводке мостов, устройстве фортификационных сооружений и установке батарей работал наравне с солдатами. В Суздальском полку построены были удобные и теплые казармы, церковь и школа, в которой Суворов преподавал разные предметы. Возле лагеря был посажен фруктовый сад, урожай шел в полковой котел.

22 сентября 1768 года Суворов был произведен в бригадиры – последний офицерский чин, после которого шли уже чины генеральские. В ноябре суздальцам было приказано выступить к польской границе, чтобы действовать против польских повстанцев-конфедератов. За месяц суздальцы прошли восемьсот пятьдесят верст в дождь и распутицу и прибыли в Смоленск, почти не имея больных и отставших. Здесь Суворов был назначен командиром бригады, а суздальцы стали одним из трех ее полков.

При такой системе занятий и солдаты, и офицеры в бою могли делать только то, что нужно и что они выучивались делать на мирных занятиях. Для воспитанников суворовской школы бой не представлял собой ничего нового, неожиданного, вплоть до увечий, а иногда и до смертных случаев.

Случались они конечно редко, но случались. У Суворова на это было свое оправдание: «Тяжело в учении, легко в походе; легко в учении, тяжело в походе»; «одного убью, десять выучу», хотя, конечно, до этого у него никогда не доходило. Смело можно сказать, что не убивал он даже и одного на тысячу. Если вспомнить, что в образцовых войсках потом говорилось: «Десять забей, одного выучи», то разница получается ощутимая, особенно приняв в расчет, что это говорилось во имя идеалов, не имевших с боем ничего общего.

Но не нужно представлять Суворова таким лубочным, народным полководцем. Он относился к солдатам так, как и каждый военачальник: не колеблясь, посылал их на смерть, в огонь тысячами и потом хладнокровно переступал кровавые ручьи, текшие по полям его победных сражений. А как же иначе на войне! Однако по-своему он берег русского солдата, знал и понимал его, умел с ним обращаться. Известно, что победитель Наполеона герцог Веллингтон на поле боя воодушевлял своих солдат словами: «Вперед, сволочи! Вперед, негодяи, висельники!» Все они были набраны из отребья по кабакам и притонам и иных слов не понимали. Он же говорил, что если сегодня солдата похвалить, завтра он надерзит тебе.

Но в России с солдатом — вчерашним помещичьим крестьянином — обращаться следовало по-другому. Мужик приносил в армию из деревни патриархальность, артельность, дух общины. Для него командир — отец-помещик, строгий, справедливый, может пошутить, а может и прибить. Суворов сумел найти нужный и удобный ему свободный тон отношений с солдатами так, что его любили как своего, но на шею не садились.

Но этим суворовская система не ограничивалась. Он придавал великое значение силе слова, отсюда его «Словесное поучение солдатам о знании для них необходимом, или Наука побеждать». Учение у него продолжалось не более часа, а поучение иногда тянулось два и больше для внушения ему отвращения к вредным словам, вроде таких, как ретирада (отступление).

Ведь за каждым скверным словом скрывается и скверное понятие, которое за словом проникает в душу человека. Это все забывают; но Суворов не забывал. Некоторые слова могли его просто выводить из себя: именно те, которые подсказывал инстинкт самосохранения или из него же проистекающая неуверенность в своих силах. Так, например, сикурс (помощь) у него нельзя было говорить, а резерв (запас) — можно. Ибо желание помощи обличает сознание слабости, а запас и сильному не стыдно иметь. «Опасность есть слово робкое и никогда, как и сикурс, не употребляемое и от меня заказанное». И так, сначала показ, а потом закрепление его рассказом.

«Всякий воин должен понимать свой маневр!» — опять «открытый секрет», который должен быть врезан в сознании всякого начальника от самого малого и до высшего. Ведь, кажется, не трудно понять, что человек может исполнить с духом и толком только тогда, когда знает, чего вы от него хотите; а многие ли это делают? Не чаще ли случается, что скажут — и в каком строе и куда идти, и на какой фланг равняться, а зачем идти — не скажут? И если это в мирное время не практикуется день в день, час в час, то можно ли ожидать, что оно на войне само собой явится по щучьему веленью?

В чем же заключалось суворовское искусство мотивировать солдат на победу?

Главное — дисциплина! «Каблуки сомкнуты, подколенки стянуты! Солдат стоит стрелкой: четвертого вижу, пятого не вижу». Так начинается «Словесное поучение солдатам о знании для них необходимом». Сомкнутый строй это есть выражение порядка вообще. Войсковая часть в первые же минуты боя превращается в толпу и, следовательно, «расстраивается по неминуемой торопливости».

В «Ученьи разводном» Суворов постоянно напоминает войскам о необходимости сейчас же после натиска восстанавливать строй: «Линия равняется вмиг», «Стрелки, в свои места! Кареи, строй колонны!», «Кареи, строй линейный фронт!» Вот это «Строй фронт!» буквально красной строкой проходит через все «Ученье разводное». Суворовские требования к равенению, к соблюдению размеров шага, интервалов определены и строги. Они буквально заучиваются ежедневно во время развода.

Согласно Суворову первым воинским правилом является субординация (послушание). А лучшим воспитательным приемом для приучения к субординации являлся во все времена сомкнутый строй. Взгляды Суворова на строй не изменялись, вот, что он пишет в 1799 году в приказе австрийским войскам: «Господа офицеры должны в этом случае особенно наблюдать, чтобы фронт быстро выровнялся. Быстрота выравнивания фронта есть душа армии». В нем солдат привыкает сливаться со своими соратниками в единый живой организм, всецело подчиняющийся воле командира». Потому и самые командные слова Суворов настойчиво приказывает произносить «весьма громко», от строя же требуя тишины: «никто из нижних чинов не дерзал, что среди действий, хотя и тихим голосом сказать».

Суворовское понимание дисциплины существенно отличалось от понимания его современников. Это была совсем другая муштра, чем прусская, поклонником которой был Павел I. Прусская муштра стремилась выбить из солдата всякую волю, для того, чтобы превратить его в бездушную частицу общего механизма. У Суворова нет педантизма и мелочной требовательности, он не любил, чтобы и другие придирались к солдатам и офицерам из-за пустяков. Примером служит приказ, отданный по войскам в Италии, где он просит офицеров не снимать шляп при его появлении, а взамен того больше заботиться о порядке в войсках.

Хотя он делал очень большие переходы, но в то же время заботился об удобстве солдата. «На первом десятке (верст) отдых час... Второй десяток — отбой... На завтраке отдых 4 часа. То же самое к ночлегу, отдых 6 часов и до 8, какова дорога». «По сей быстроте и люди не устали»... «вьючные лошади с котлами и мясом посылаются вперед, чтобы люди могли получить пищу, необходимую для поддержания их сил». Солдат понимал, что о нем заботятся, в нем росло и представление о собственной значимости, и чувство собственного достоинства.

Являясь гениальным психологом, Суворов, учитывая великое значение «обрядов» для русского простолюдина, создает своего рода ритуал. Смысл его заключался в том, чтобы вытравить из солдата чувство страха, максимально подавить у него инстинкт самосохранения. Наиболее характерным примером этого метода может то, что по окончании каждого развода, согласно «Науке побеждать», требовалось, чтобы старший начальник командовал громогласно: «Субординация (послушание), экзерциция (обучение), дисциплина (орден воинский), чистота, здоровье, опрятность, бодрость, смелость, храбрость, победа. Слава, слава, слава!» Результатом такого воспитания должно было стать то, что солдат перестал бы концентрировать свою мысль на трудности и опасности того, что он делает сначала в ходе учения, а затем в бою.

Например, солдатский ранец весил 20 фунтов (фунт — 0,4 кг). Суворов этот ранец называет словом «ветер». «Нетрудно понять, — пишет генерал М.И. Драгомиров, — чем лежит этот ветер на спине,

протащившей его переход. Нужно, следовательно, расположить солдата не только не задумываться над тем, а напротив, шутить, бодриться, находить, что эта тяжесть ему ничем, что она не тяжелее ветра. И когда Суворов находил, что этот ранец – ветер, протаскав его 7 лет, то как же мог не находить этого солдат, жадно прислушивавшийся ко всякой его остроте, заметке, веровавший в него, как в Бога».

Но самое главное, что венчало его военный гений – это искренняя любовь и бережное отношение к солдатам. Его забота о них ясно проявляется в данных Суворовым подробнейших правилах ведения военных действий в горах, которые он составил в начале сентября 1799 года перед Швейцарской кампанией: «Для овладения горою, неприятелем занимаемою, должны лезть на вершину; – прочие же батальоны во сте шагах следуют; а в кривизнах гор, где неприятельские выстрелы не вредны, можно отдохнуть, и потом снова идти вперед. Одною стрельбою никаким возвышением овладеть не можно, ибо стоящий на оном неприятель весьма мало вредим. Выстрелы большею частию на высоту или не доходят, или перелетают через; напротив же того с вышины в низ стрельба гораздо цельнее, и для того стараться как наискорее достигнуть вершины, дабы не находиться долго под выстрелами и тем бы менее быть вредиму. Само по себе разумеется, что не нужно на гору фронтом всходить, когда боковыми сторонами оную обойти можно».

Суворов прекрасно понимал, что жизнь богаче любого плана. Поэтому зачастую приказ обрывался словами «далее войска действуют по усмотрению, обстоятельствам». Суворов столь же высоко ценил в солдатах находчивость, смекалку, сметку, как и ненавидел «немогузнайство», терпеть не мог людей, пасующих перед неожиданно возникающими проблемами. Это не удивительно, ведь цена замешательства – жизнь, успех сражения. Он задавал солдатам какие-то странные, «дурацкие» вопросы. Например, «сколько звезд на небе?». Но такими упражнениями стимулировалась быстрота реакции. Именно благодаря им суворовских солдат не поставило в тупик уничтожение французами единственного Чертового моста через пропасть в Альпах.

Полководец очень уважал людей находчивых, смекалистых. Без мундира, сохраняя инкогнито, Суворов встречал новобранцев, испытывая их с помощью каверзных вопросов. Людей, отвечавших быстро и остроумно, он сразу «брал на карандаш».

Суворов уделял большое внимание быту и обеспечению солдат, в результате чего резко сократились заболевания, которые были «бичом» армий XVIII века. Александр Васильевич считал, что сбережение здоровья должно основываться не столько на лекарствах, сколько на соблюдении правил гигиены и здорового режима. Чтобы убедиться в этом, нужно только заглянуть в приказы Суворова, отданные им во время службы его в Финляндии, где ему пришлось застать войска в катастрофическом санитарном состоянии. Все его указания рождены собственным опытом солдата и знать их полезно и сейчас: соблюдать крайнюю чистоту, потному не ложиться отдыхать, а прежде разгуляться и просохнуть, желудок лечить голодом, чаще быть на воздухе. Он знал названия многих лечебных трав, которые могли помочь. Если до него смертность в частях оставляла до 25% численного состава, то при нем она снизилась до менее чем 1%!

Нравственному воспитанию Суворов уделял не меньшее значение, чем профессиональному. Высокий моральный дух его войск стал основой их непобедимости. За проступки, позорящие честь русского солдата и офицера, Суворов карал очень строго. Известен случай, когда в ходе итальянского похода два офицера русской армии обокрали пленного французского генерала. Суворов приказал их обоих разжаловать в солдаты и прогнать сквозь строй.

«Предводительствуя российскими армиями пятьдесят пять лет сряду, он не сделал несчастным ни одного чиновника и рядового; он, не ударив ни разу солдата, карал виновных лишь насмешками, прозвищами в народном духе, которые врезывались в них, как клейма» (Д.В. Давыдов).

У офицеров, кроме воспитания личной храбрости Суворов считал необходимым, в первую очередь, воспитывать способность самостоятельно принимать решения и отвечать за их результаты. Высокий моральный уровень офицеров нужен Суворову, как условие для воспитания солдата. В письме крестнику Суворов дает такие советы: «Будь чистосердечен с твоими друзьями, умерен в своих нуждах и

бескорыстен в своем поведении... Люби истинную славу: отличай любочестие от надменности и гордости. Учись заблаговременно прощать погрешности ближнему, и никогда не прощать их самому себе. Упражняй тщательно своих подчиненных, и во всем собой подавай пример... Будь терпелив в военных трудах; в несчастье не унывай и не отчаивайся... остерегайся временной запальчивости».

Все свои указания Александр Васильевич излагает тоном, не допускающим сомнений в победе. Он постоянно повторяет и в «Науке побеждать», и в поучениях, и в приказах: «Богатыри, неприятель от Вас дрожит»; «Всех побьем, повалим, в полон возьмем! В последнюю кампанию неприятель потерял счетных 75 тысяч, только что не 100 тысяч. Он искусно и отчаянно дрался, а мы и одной полной тысячи не потеряли. Вот, братцы, воинское обучение! Господа офицеры, какой восторг!»; «Помилуй Бог, мы – русские». Так он формирует у солдат культ победы. И Суворов никогда не упускает возможности вселять в свои войска уверенность в этой победе.

В сражении под Фокшанами австрийцы — союзники Суворова — были поражены, когда в самый ответственный момент боя суворовские солдаты вдруг дружно чему-то засмеялись. Этот хохот под огнем врага показался австрийцам смехом из ада, а на самом деле он говорил о воспитанном Суворовым у русских солдат самообладании.

У русских Суворов отмечает такие качества, как: солидарность, взаимовыручка, стойкость, терпеливость, неприхотливость в быту, мужество, любовь к Родине, способность к невиданной концентрации усилий. Учет национальных особенностей русских позволил Суворову выбрать и довести до совершенства основной победный тактический прием – знаменитый штыковой удар, на который противник так и не смог дать адекватного ответа. «Заколи и сбрось турка со штыка. Бей штыком другого, третьего, настоящий боец может заколоть полдюжины или больше. Если трое бегут на тебя, коли штыком первого, стреляй во второго и заколи штыком третьего. Это бывает не часто, но знай, что у тебя не будет времени для того, чтобы перезарядить ружье».

Это сказано в то время, когда уже всюду применялся порох. Но в ту эпоху солдат мог реально произвести один-два выстрела в ходе атаки, отсюда – значение штыковой атаки. Однако дело не только в несовершенстве тогдашнего стрелкового оружия, просто Суворов хорошо изучил своего солдата. Склонность русского человека к рукопашной всегда была инстинктивной, она заложена в национальном характере. Шапку оземь! Раззудись, рука, пропадай все пропадом! Этот порыв удалства Суворов уснастил воинскими навыками, превратил в орудие победы.

Поражает простота принципов, заложенных в суворовской системе. Он считал, что в бою многосложность действий забывается, порождает нерешительность, робость. Больше своего главного маневра рядовому знать не нужно и даже вредно. Добивайся всеми средствами, чтобы солдат был уверен в себе, тогда он будет храбр! Суворов требовал на поле боя сосредоточенности, как на священнодействии, где «совершается кровавая жертва любви к Отечеству». Воин должен весь принадлежать долгу, нет колебаний, сомнений, нет мысли, которой можно поделиться с товарищем, мысль у всех одна: победить или умереть!

Страстно любя славу, он желал, чтобы каждый его подчиненный пылал к ней равным жаром и строго наблюдал честь русских воинов. Вот еще несколько высказываний Суворова на тему национального достоинства, безграничной веры в несокрушимую мощь русского духа: «Мы русские, мы все одолеем»; «Природа произвела Россию только одну. Она соперниц не имеет»; «Попробуйте сдвинуть этот камень. Не можете? Так и русские не могут отступить»; «Покажи на деле, что ты русский!»

Суворов находил чрезвычайно полезным развитие у своих подчиненных честолюбия. Известны случаи, когда солдаты в суворовских войсках дослуживались до полковников, получая по ходатайству Суворова дворянские звания. Для того чтобы повысить честолюбие своих солдат, он вводил целую систему статусных отличий. Например, суворовский капрал имел своего ординарца, чего не было в войсках других военачальников. Суворов вообще всячески развивал и поддерживал дух здорового соревнования как между различными подразделениями, так и среди отдельных солдат и офицеров.

Чтобы успешно сражаться с неприятелем, утверждал он, нужны мужественные, знающие свое дело офицеры, спартанцы, а не сибариты.

В умении давать признание отличившимся, Суворову не было равных среди военачальников. «Чудо-богатыри, герои, слава вам!», «Богатыри, неприятель от нас дрожит!», «Хват, орел!», «Спасибо за героя, Платоныч». «Кавалерии русской слава!», «Господа офицеры, какой восторг!» Его речи просто «зажигали» поощряемых им солдат и офицеров.

Сам Суворов никогда в жизни не терял присутствия духа. Например, в один из критических моментов швейцарского похода Суворов появился среди бегущих солдат, и тут же крикнул им: «Молодцы ребята, заманивай противника, заманивай!» Это высказывание подействовало на них отрезвляюще. Суворов скомандовал: «Стой, кругом!», и сам повел их в атаку. В самые критические минуты, например, при штурме Измаила и Чертова моста, Суворов первым поднимался в атаку, показывая своим солдатам должный пример.

Войска, прошедшие суворовскую школу, конечно, были выше по воспитанию и образованию любой из тогдашних армий. Суворов до такой степени верил в действенность своей системы обучения, что возвращался к ней и в военное время, для подготовки к самым трудным положениям. Так, перед штурмом Измаила, он по ночам упражнял войска в штурме укрепления, нарочно для того насыпанного.

До 1799 года системе Суворова недоставало европейского освящения; судьба послала великому старцу и это последнее, как бы в свидетельство того, что его система применима со всякими войсками, на всякой местности и против всякого неприятеля, лишь бы во главе стояли люди даже и не его роста, а хоть его типа. И все это было у нас, и все это было забыто. И возмездие за забвение не заставило себя ждать. Едва прошло несколько лет после кончины полководца, как вместо Фокшан, Рымников, Измаилов, Требий, Нови пошли Аустерлицы, Фридланды. Открытый секрет скрылся. А состоял он в том, что бесполезное на войне, вредно вводить в мирное обучение; иначе получается извращение понятий и привычек; секрет в том, что в солдате нужно признавать человека и соответственно этому с ним во всем поступать.

Иногда можно услышать, будто Суворов был кровавым карателем, подавившим польское восстание. Ничего подобного в действительности не было. Да, он громил польских конфедератов, но почти всегда имел меньшее количество русских воинов, пленных приказывал щадить, а мирное население не обижать. Не случайно варшавяне вручили ему золотую табакерку с лаврами из бриллиантов и надписью: «Варшава своему избавителю».

А вот, к примеру, как напутствовал Наполеон свои войска: «Москва и Петербург будут наградою ваших подвигов. В них вы найдете золото, серебро и другие драгоценные сокровища... Вы будете господствовать над русским народом, готовым раболепно исполнять все ваши повеления». Подобной низости Суворов себе не позволял. И ни разу в трудную минуту не бросал он, подобно Наполеону, свои войска. Напротив, даже в преклонные года совершил беспримерный переход со своей армией через Альпы, с честью выйдя из безнадежной, казалось бы, ситуации.

В «Науке побеждать», наставлении солдатам, он напоминал: «Грех напрасно убить». И наказывал: «Обывателя не обижай, он нас поит и кормит; солдат не разбойник» (у прославленного Наполеона были, как видим, иные принципы).

Страшная сторона военной теории заключается в кажущейся легкости ее усвоения и в великой, для многих даже неодолимой, трудности проведения ее в жизнь: ибо усвоение — дело ума, а проведение в жизнь — дело воли.

Многие высшие начальники жили в столицах или в своих поместьях; их примеру старались следовать и младшие; управление происходило заглазно и бесконтрольно. При производстве в офицеры и повышении их в чинах, покровительство, протекция были самым могущественным рычагом; невнимание к заслуге доходило до цинизма. Говорилось между офицерами не о том, кто что сделал и в чем оказал отличие, а чьей милостью заручился, и какая знатная дама взялась его протектировать.

Армия наполнилась иностранцами, людьми без рода и племени, казаками, которым Потемкин раздавал лучшие полки.

Люди, бывшие сержантами гвардии, в два года и меньше достигали по армии чина подполковника. Чины доставались и тем, кто вовсе не служил; купцы, чтобы получить право на приобретение деревень, записывались в гвардию, назначались к генералам адъютантами и выходили в отставку с чином.

Многие служили только номинально, находясь постоянно в отсутствии; в иных полках офицеров состояло на лицо одна треть: из остальных двух третей, кто скакал курьером по частным надобностям начальства, кто находился в негласном отпуску, уступив полковому командиру часть своего содержания. Таким образом, за огромным расходом, остающимся в полку беднякам приходилось нести двойную службу. Офицеры свидетельствовали своею подписью законность цифр, под которыми скрывались «наглое похищение полковых денег и подделка расходных статей в книгах», по выражению современника-генерала, делая это под страхом лишения полковничьей милости и потери места в полку.

Честным и заслуженным офицерам, навлекшим на себя неудовольствие полкового командира, приходилось выносить от него обиды и несправедливости, при представлении к производству в чины и в других многочисленных случаях. «Под тиранским полковничьим правленьем», говорит тот же современник, подтверждая своими словами многочисленные свидетельства других: «офицеры находятся в рабстве, полковник в гордости и славолюбии, а все вместе в совершенном невежестве и в незнании существа службы». Сверх того, следуя общей моде, всякий полковник старался блеснуть своими хорами музыкантов и певчих, — новый расход людей из строя.

И все это делалось почти открыто, не особенно стесняясь, так что однажды в 1784 году Императрица, в своей резиденции, «усмотрела гренадера едущего за каретой в воинском мундире». По этому поводу издан был строжайший указ в подтверждение многим прежним, чтобы нижних чинов ни в какие несоответственные должности и партикулярные услуги не употреблять, но он остался мертвой буквой

А кто хотел приучить себя и своих воинов быть всегда готовыми к отражению врагов, к ночным переходам по лесам и полям, чтобы очутиться над головой неприятелей, тот должен был не знать обыкновенного сна и отдыха. За то он будил войско свое до зари, делал быстрые переходы в ночное время. В народе бытовала сказка о Суворове, как мужичке-невидимке.

В стратегическом и тактическом отношении Суворов всегда был нападающим. Смелые и решительные броски, постоянное взятие инициативы на себя, только атака. Полководец отрицал необходимость тратить слишком много времени и сил на взятие крепостей. Его интересовала в первую очередь живая сила врага, ее-то и необходимо было разбить на поле боя. Все, что происходило на этом поле, Суворов продумывал очень тщательно, но очень быстро, отчего и возникало ощущение, что он действует несколько рискованно, наобум. На самом же деле Александр Васильевич подмечал каждую мелочь в построении противника, все его слабые места. Поэтому русские и били в нужный момент в нужном направлении и зачастую совершенно неожиданно для неприятеля.

Суворов пытался усовершенствовать старую линейную тактику. Для успешного осуществления атаки Суворов всегда стремился преодолеть распыление своих войск, сосредоточить большие силы именно в направлении главного удара. Таким образом, в русской армии переход от линейной тактики к перпендикулярной осуществлялся еще до успехов, которых добились революционные французские войска, а затем выросшая из них армия Наполеона.

При этом, воюя с турками, суворовские войска применяли каре в сочетании с рассыпным строем, а в битве с французами предпочтение отдавалось колоннам. При ударе смелый глубокий маневр сочетался с фланговыми обходами, прекрасными действиями конницы, штыковая атака в исполнении русских была сокрушительна: «Задние, напирай на передних!» — призывал Суворов. Его войска в обязательном порядке организовывали решительное преследование бегущего противника. Александр

Васильевич был против популярной доктрины «строительства золотого моста» для отступающих. Наоборот, он заявлял, что «недорубленный лес вырастает», а значит, преследование необходимо.

Но Суворов, суровый военачальник, беспощадный к вооруженному противнику, делался совсем другим, когда противник бросал оружие. Характеризуя свое отношение к побежденным полякам, он приводил стихи М.В. Ломоносова:

*Великодушный лев злодея низвергает,
А хищный волк его лежащего терзает.*

Такая метаморфоза происходила в нем и по велению сердца, и по расчету ума: чем шире победитель выказывал свое великодушие и безбоязненность, тем полнее получался результат умиротворения.

Ценность «Науки побеждать» для современного читателя не только историческая. Гениальность русского полководца заключалась в том, что он никогда не придерживался строгих, однообразных схем. «Глазомер, быстрота, натиск», – так сформулировал Суворов в самом общем виде свою тактическую концепцию. Конечно, та планка, которую поставил себе великий полководец, и которую он выдержал, очень высока и не каждому под силу. Но Суворов, просил, нет, требовал: «Потомство мое прошу брать мой пример».

Преодоление третье. Успехи от неудач, или Восхождение звезды

Как ни парадоксально, блестящие успехи Суворова связаны с его неудачами в начале карьеры. При движении по служебной лестнице он явно отставал от прочих. В двадцать пять лет он стал офицером, в то время как Петр Румянцев был генералом в двадцать два года, а победитель Фридриха II Семен Салтыков — в двадцать пять лет! Потом Суворову долго не давали чина полковника. И когда он, наконец, получил этот чин и стал командиром Суздальского полка, то оставался в полковниках долгих шесть лет! А в это время все его товарищи давно «ушли» в генералы.

Суворов болезненно переживал эти служебные неудачи. Вот почему, став в 1791 году генерал-фельдмаршалом, он поставил в своей комнате несколько стульев и начал через них перепрыгивать, называя при этом имена генерал-аншефов, которых он таким образом обскакал.

Но, таща лямку рядового пехотного полковника, Суворов заложил основы своей оригинальной воинской науки, отточил свой лаконичный стиль. И когда началась война — а без войны Александр Васильевич просто страдал, — он «выстрелил» собой. Его яркая звезда взошла на небосклоне России мгновенно. В 1768 году он беспощадно и быстро расправился с польскими повстанцами, стал генералом и был послан на только что начавшуюся русско-турецкую войну. И сразу же одержал две блестящие победы: под Козлуджи и Туртукаем. Тут он получил рану и славу удачливого полководца.

А потом пришли и другие победы, одна славнее другой: Фокшаны, Рымник, Кинбурн, Измаил, знаменитый Итальянский поход против французов и беспрецидентный переход через Альпы.

Первой кампанией, в которой участвовал Суворов, стала Семилетняя война, в рамках которой Россия выступила против Пруссии. На полях этой войны будущий полководец уже показал себя способным командиром, воочию увидел различие в русской и прусской тактиках, сделав определенные выводы об эффективности каждой. За отличную подготовку резервных батальонов Суворов был произведен в подполковники и назначен комендантом города Мемель (Клайпеда).

14 июля 1759 года он участвовал в первой боевой стычке – с эскадрой драгун атаковал немецких драгун и обратил их в бегство. В битве при Кунерсдорфе в 1759 году Суворов находился в Казанском пехотном полку. Даром пролиты реки крови, искалечены и похоронены многие тысячи храбрецов. Легко представить, какое впечатление вся эта бесцельная бойня произвела на молодого Суворова, одаренного природной проницательностью и взглядом, просвещенным наукой. Он не командовал еще отрядами, следовательно, не был погружен в интересы своего собственного, ограниченного круга действий, загораживающего сферу более обширную, он заправлял штабом

корпусного командира Фермора; на его глазах двигались главные рычаги войны, и он имел возможность критически относиться ко всему происходившему.

Когда, после Кунерсдорфской победы, Салтыков остался стоять на месте и даже не послал казаков для преследования бегущего неприятеля, Суворов сказал Фермору: «на месте главнокомандующего я бы сейчас пошел на Берлин». Это по-видимому простое замечание, очень характерно и кроме того верно. «На войне все просто», сказал один писатель: «но простота эта дается трудно». Что сделал бы Суворов на месте Салтыкова, того именно и боялся прусский король. Он писал королеве, чтобы она торопилась выезжать из Берлина с королевским семейством и приказала бы вывозить архив, так как город может попасть в руки неприятеля. К счастью Фридриха, он имел перед собой не Суворова, а Салтыкова.

Позже Суворов был генеральным дежурным при этом же военачальнике, когда тот был назначен главнокомандующим русской армией. Александр Васильевич впоследствии очень уважительно отзывался о Ферморе, говоря: «У меня было два отца – Суворов и Фермор». В следующем году Александр Васильевич был в числе покорителей Берлина, под началом Румянцева участвовал в покорении крепости Кольберг. Благодаря просьбам отца его назначили в часть генерала Берга, который поручил новому офицеру командовать партизанским отрядом из гусар и казаков.

В многочисленных стычках с врагом Суворов смог проявить себя смелым командиром и хорошим тактиком, органично воспринявшим обычный метод действий конных партизан – внезапность и стремительность. «Быстр при рекогносцировке, отважен в бою и хладнокровен в опасности», – так писал Берг в своем отзыве о Суворове. Бутурлин представил его к награде, донося императрице, что Суворов «себя перед прочими гораздо отличил», а отцу его, Василию Ивановичу, написал любезное письмо, свидетельствуя, что его храбрый сын «у всех командиров особливую приобрел любовь и похвалу».

В 1761 году Александр Васильевич был назначен командующим Тверским драгунским полком и с ним дрался с пруссаками у Ландсберга, Бирнштайна, Гольнау, Наугарта, деревни Келец. Чин полковника был присвоен ему в 1762 году. Прибыв с депешами в Петербург, Суворов покинул столицу уже в качестве командира Астраханского полка. Эти функции он исполнял до марта 1763 года, когда в его подчинении оказался Суздальский полк. Вот здесь Александр Суворов задержался на шесть лет.

Свой полк он обучал согласно сложившимся по итогам Семилетней войны представлениям о том, как должен быть подготовлен солдат, как с ним следует обращаться. Опыт этот был впоследствии распространен на армии, которыми приходилось командовать Суворову. Суздальцы были его первыми «чудо-богатырями». Инструкцией по работе с рекрутами стало суворовское «Полковое учреждение», найденное историками лишь в XX веке. Совершенно очевидна связь этой небольшой работы с более поздней и известной всем «Наукой побеждать».

В 1768 году Суворова произвели в бригадиры, через год он в этом чине вступил в свою первую польскую войну. Под деревней Орехово в конце 1769 года Суворов одержал убедительную победу над встретившими его польскими частями, затем Александр Васильевич начал «гоняться» за Пулавским. Сначала польскому генералу удавалось обманывать русского противника. После одного маневра противника восхищенный Суворов даже отправил ему в подарок любимую табакерку. Однако у Влодавы русские части все же настигли Пулавского и разгромили его.

1770 год протек в партизанских действиях и переговорах. Кампания 1771 года открылась наступлением конфедератов. Они в короткое время овладели Краковом и другими важными пунктами. Тем временем Суворов двинулся со своим отрядом из Люблина и наголову разбил француза Дюмюрье под Ландскроной. Затем он ударил на Пулавского, снова пытавшегося пробраться в Литву, разбил его у Замостья и отбросил в Галицию.

В результате этих побед вся Польша, за исключением Краковского района, была очищена от конфедератов, но восстание продолжилось в Литве, где коронный гетман Огинский в начале августа открыто примкнул к конфедерации. Ему тоже пришлось воевать с Суворовым. Быстрыми и скрытными

маршами русский полководец устремился в Литву и на рассвете 13 сентября наголову разбил гетмана при Столовичах. Поход на Огинского был предпринят Суворовым по собственной инициативе. У гетмана было до 4000, а у Суворова – всего 820 человек. Поляки были застигнуты ночью врасплох и стремительным ударом с двух сторон выбиты из Столовичей. Наутро отряд Огинского был окончательно добит, потеряв 1000 человек и всю артиллерию, а у Суворова убыло около 100 человек. Восстание в Литве было подавлено.

25 января 1772 года Суворов прибыл под Краков и осадил замок. 12 апреля старинная польская столица сдалась, и война против польской конфедерации окончилась. Состоялся первый раздел Польши. Россия получила Белоруссию, Волынь и Подолию.

В ходе войны Александр Суворов, решивший судьбу кампании, получил чин генерал-майора (в 1770 году) и орден Святого Георгия, и не 4-й степени, как полагалось по статуту, а сразу 3-й. В Польше уже все знали его имя, Суворова уважали не только воевавшие вместе с ним офицеры и военачальники, но и местные жители. Александр Васильевич, в свою очередь, пресекал жестокость по отношению к полякам со стороны своих солдат.

В 1773 году Александр Васильевич оказался в Турции. Военные действия между Портой и Россией были открыты в январе 1769 года вторжением стотысячной татаро-турецкой армии из Крыма на Украину, однако Румянцев быстро заставил отступить эти полчища. Основные события перенеслись в Молдавию. Здесь русский полководец действовал довольно успешно. 21 июля 1770 года на реке Кагул произошло одно из наиболее славных сражений в отечественной военной истории, в котором Румянцев одержал блистательную победу.

В 1773 году к моменту прибытия из Польши Суворова армия Румянцева была доведена до 50 тысяч. Императрица требовала решительных действий: перехода через Дунай и разгрома армии великого визиря, стоявшей у Шумлы. Однако Румянцев считал свои силы недостаточными для этого и решил ограничиться так называемой демонстрацией, в рамках которой произошли два «поиска» Суворова на Туртукай.

Эти операции, проведенные Александром Васильевичем весной и летом 1773 года, представляют собой образец прекрасно организованной форсированной наступательной переправы через реку. Под командой Суворова находилось лишь около двух тысяч человек, но и с ними полководцу удалось отличиться. Для начала он, правда, чуть не был взят в плен во время внезапной ночной атаки турок.

Такой сюрприз от противника Суворов счел прямым вызовом. Он и сам был горазд на стремительные ночные переходы, внезапные смелые набегии небольшими силами. В ночь на 10 мая его отряд напал на гарнизон Туртукайской крепости. Во время атаки генерал был контужен – рядом с ним разорвалась пушка. Едва очнувшись, он вскочил на ноги и взял в плен бросившегося на него янычара. Туртукай был взят, а Суворов, сидя на барабанах, написал Румянцеву депешу: «Слава Богу, слава Вам! Туртукай взят, и я там».

Фельдмаршал, впрочем, был недоволен рискованным предприятием генерала и даже хотел его наказать, но получил от Екатерины лаконичное: «Победителей не судят». За штурм Туртукай Александр Васильевич был награжден Георгием 2-й степени.

17 июня Суворов вновь разбил малыми силами турок у Туртукай – русских войск было вчетверо меньше. Румянцев же не довел операции до конца, получив известие о движении тридцатитысячного корпуса турок себе в тыл. Русские отошли за Дунай. Суворов был оставлен один на правом берегу Дуная, в Гирсово, с 3 тысячами людей. Ободренные отходом Румянцева, 10 тысяч турок атаковали Гирсово 3 сентября, но были наголову разбиты Суворовым.

Кампанией 1774 года Румянцев решил закончить затянувшуюся войну и проникнуть, невзирая на все трудности, до самых Балкан. Свою армию он разделил на пять частей. Главную роль должны были играть корпуса генералов Каменского и Суворова (по 10 тысяч в каждом). Им было приказано идти на Шумлу и разбить 50-тысячную армию визиря, причем обоим даны были самые широкие полномочия.

Александр Суворов, будучи самым младшим из генерал-поручиков, получил в командование отдельный корпус, несмотря на наличие в армии других генерал-поручиков и даже генерал-аншефов. Суворов и Каменский не любили друг друга, но действовали довольно слаженно. В биографической литературе пишут о том, что более решительный Суворов фактически перевел на себя все командование наступательной операцией, хотя, поскольку получил свой чин позже, должен был уступать требованиям Каменского.

В конце апреля оба корпуса перешли Дунай и очистили Добруджу от турок. Соединившись 2 июня у Базарджика, они двинулись к Шумле, и 9 июня Суворов с авангардом разбил турок у Козлуджи. Отряд Суворова состоял всего из 8 тысяч человек. Турок было почти в пять раз больше. Суворов, следуя своему обычаю, смело атаковал авангард неприятеля, учтя то обстоятельство, что недавний ливень промочил патроны у турок, носивших их в карманах.

Отбросив турок в лагерь, генерал в продолжение трех часов готовил атаку артиллерийским огнем, а затем овладел лагерем. Русские потеряли всего 209 человек (!). Турок же было убито 1200, пленных не брали, было захвачено 29 турецких орудий. После этого оба русских отряда блокировали Шумлу. Эта операция, собственно, и решила участь всей войны. Мир был подписан 10 июля в деревушке Кючук-Кайнарджи. Порта уступала России Кабарду, Кинбурн, крымские крепости, признавала независимость крымского ханства (первый шаг к присоединению Крыма Россией) и русский протекторат над турецкими славянами.

С русско-турецкого фронта героя кампании направили на восток, на борьбу с человеком, который, похоже, напугал власти гораздо больше, нежели султан – Емельяном Пугачевым. Суворова отправили на Волгу тайно, поскольку не хотели показать Турции и другим государствам, насколько плохо складываются дела у России внутри страны. Это подчеркивает и тот авторитет, который приобрел уже в глазах иностранцев генерал Александр Суворов.

В 1776 году Суворов был назначен сначала командиром Санкт-Петербургской дивизии, а затем командирован в Крым. Александр Васильевич сделал большой вклад в укрепление южных рубежей Российской империи, он отразил попытку высадки турок в Ахтиарской бухте (там, где сейчас Одесса), создавал укрепительную линию. Крымские греки были поселены по Азовскому побережью, армяне с полуострова были переселены на Дон, где возникла их колония Новая Нахичевань. Суворов готовил Крым к присоединению к России.

Два года полководец находился в Астрахани, где подготавливал экспедицию в Иран. «Боже мой, долго ли же меня в таком тиранстве томить!» – восклицал жаждущий активной деятельности генерал. Наконец в 1782 году светлейший князь Потемкин устроил перевод Суворова опять на Кубань. Тогда это была одна из «горячих точек» империи. Восстание против русских начали ногайцы. В 1783 году Александр Васильевич провел экспедиции против мятежных племен, разбив ногайцев на реках Ее и Лабе. За усмирение ногайских орд полководец получил орден Владимира 1-й степени. Но при всем этом Суворов все равно называл кубанский период своей биографии «бездействием».

В 1786 году Александр Васильевич был возведен в чин генерал-аншефа, а в январе следующего года назначен командующим Кременчугской дивизией. Он принял участие в знаменитой поездке императрицы Екатерины по югу России. В Кременчуге Екатерина и австрийский император наблюдали масштабные учения солдат Суворова и были совершенно поражены увиденным. Государыня решила поощрить генерала. На вопрос: «Чем мне вас наградить?» Суворов ответил: «Награждай, матушка, других, у тебя и так, чай, доброхотов хватает. А мне за квартиру заплати, задолжал».

Вскоре Александр Васильевич и его чудо-богатыри приняли участие в новой русско-турецкой войне, в которой Суворов и русская армия совершили немало подвигов. Фокшаны, Рымник, Измаил – эти слова прогремели на всю Европу. Отныне и навсегда они были связаны с именем победоносного русского полководца.

Не желая примириться с результатами войны 1768–1774 годов, Турция в июле 1787 года ультимативно потребовала от России возвращения Крыма, отказа от протектората над Грузией и

согласия на осмотр проходящих через проливы русских торговых судов. Не получив удовлетворительного ответа, турецкое правительство 12 августа 1787 года объявило России войну.

В свою очередь, Россия решила воспользоваться ситуацией, чтобы расширить свои владения в Северном Причерноморье за счет полного вытеснения оттуда турок.

Главной целью войны Турция ставила овладение Крымом, чему должен был способствовать флот с сильным десантом и гарнизон Очакова. Стремясь использовать выгодное положение нападающей стороны, турки сразу же проявили большую активность на море и 1 октября высадили десант на Кинбурнской косе. Здесь их и встретил командующий обороной Херсонско-Кинбурнской линии Александр Суворов.

Турецкий флот блокировал выход из Днепра в лиман и, вплотную приблизившись к Кинбурнской косе, открыл по крепости огонь корабельной артиллерии. Началась высадка 6-тысячного десанта. К удивлению своих солдат и офицеров, Суворов запретил стрелять по сходящим на берег: «Нынче Покров. Надобно к обедне идти. Пусть их вылезают».

Сойдя с кораблей на мысу, турки пошли по косе в направлении материка. На пути наступления они одну за другой рыли траншеи поперек узкой – от 30 до 200 метров – полосы суши. Закончив пятнадцатую по счету траншею, пошли на штурм. Тогда с крепостных укреплений ударили картечью русские орудия. Ощетинившись штыками, пошла русская пехота, а во фланги турецких цепей ударила казачья лава. Завязалось жестокое сражение.

Авангард осман был смят. Несмотря на четырехкратный численный перевес турок, вылазка вскоре превратилась в стремительное контрнступление. Бой шел в таком плотном смешении рядов, что расчет турецкого командования поддержать своих огнем корабельной артиллерии потерял смысл. Русские занимали траншею за траншеей, но на десятой путь им все же преградил ураганный огонь шестисот корабельных орудий.

Суворов готов уж был отвести войска к крепости, но в этот момент под ним был ранен конь. Командующий рухнул наземь. С криком «Топал-паша!» – к полководцу кинулись турецкие всадники. Генерала спас гренадер Шлиссельбургского пехотного полка Степан Новиков. Он справился с тремя противниками. Суворов расцеловал героя, вскочил на брошенного врагом коня и повел солдат в новую атаку.

Уже в сумерках на самой оконечности косы корабельные пушки турок непрерывным обстрелом остановили русских. Потери суворовских солдат были велики, сам командующий был ранен двумя осколками картечи в грудь. Придя в себя после ранения, полководец увидел беспорядочное отступление своих солдат.

Однако яростная атака казацкой флотилии «чаек» и единственной галеры «Десна» под командованием мичмана Ломбарда принудила флот Гасан-паши отойти от мыса. Отступающие русские получили передышку от губительного артобстрела. В это же время со стороны Херсона подошла резервная бригада легкой кавалерии и ударила в центр неприятельской цепи. Уже расстреляв патроны, казаки и пехота вновь пошли в атаку.

Незадолго до конца сражения Суворов вновь был ранен в руку, но не оставил поле боя. Рану промыли морской водой, наскоро перевязали, и он с возгласом «Помогло, помилуй Бог, помогло!» снова кинулся в сражение. Русские загнали турок в море и дрались по пояс в воде до глубокой темноты.

Около 6 тысяч турецких солдат доблестно сражались и полегли на Кинбурне, вызвав искреннее восхищение Суворова и его солдат. «С такими я еще не дрался», – говорил Александр Васильевич. Из трех тысяч русских и запорожцев погибло более тысячи. Потемкин писал императрице о том, что «генерал-аншеф, получивший все отличности, какие заслужить можно, на шестидесятом году служит с такой горячностью, как двадцатипятилетний...»

Весть о Кинбурнской победе пронеслась по всей России, встречаемая благовестом и молебнами. Екатерина II писала князю Потемкину: «Старик поставил нас на колени, но жаль, что его ранили... Важность Кинбурнской победы в настоящее время понятна...». «Я отбил у турок охоту к высадкам...» –

писал об этой победе сам Суворов. Действительно, османы вплоть до Крымской войны 1854 года ни разу не пытались высадить десант на берегах Черного моря. Впрочем, Кинбурн, несмотря на всю его важность, еще не решал судьбу войны.

Надлежало овладеть еще сильными крепостями – Очаковом и Вендорами. Отражая вылазку двухтысячного турецкого отряда, Суворов с фанагорийским полком, нарушая планы главнокомандующего Г. Потемкина, ворвался в позиции турок, надеясь на поддержку других русских войск, на штурм Очакова. Казалось, близка победа, но поддержки Суворов не дождался, атаку фанагорийцев турки отбили, и герой покинул поле боя с тяжелой раной: в шее застряла пуля. Рана воспалилась, Суворов тяжело и долго болел.

Потемкин же писал Екатерине об очаковском инциденте: «...Перед приходом капитан-паши Александр Васильевич Суворов наделал дурачества немало, которое убитыми и ранеными стоит четыреста человек...» Дождливая осень сменилась ранней и холодной зимой. Войска мерзли в своих землянках и сами просились поскорее на штурм, чтобы покончить наконец с крепостью и стать на зимние квартиры. 6 декабря Очаков все же был взят штурмом.

Суворов полгода приходил в себя, залечивая раны, а затем его перевели в армию фельдмаршала Румянцева. Летом 1789 года основные события происходили в Молдавии. Союзник России, австрийский полководец принц Кобургский, встревоженный сосредоточением турецкой армии Осман-паши в Фокшанах, запросил у русских немедленной помощи. Александр Суворов в это время командовал в Бырладе дивизией. Он выступил к принцу быстрым маршем. Русские солдаты прошли 50 верст за 28 часов. (Не зря легенда хранит быстрый ответ одного «чудо-богатыря» на вопрос Суворова, сколько от земли до неба – «Два суворовских перехода!»)

В распоряжении Александра Васильевича было 8 тысяч русских и 18 тысяч австрийцев, среди которых выделялась венгерская конница Карачая, героя, ставшего одним из любимцев Суворова. Операция, разработанная Суворовым и буквально навязанная им союзникам (он неожиданной запиской объявил принцу, что русские войска выступают в два часа ночи, и предложил австрийцам выступить тогда же), началась с уничтожения передового отряда турок.

Хитрым маневром, основанным на изучении местного ландшафта (суворовские войска шли по лесным болотам), русский генерал обманул противника, не ожидавшего флангового удара по Фокшанскому лагерю. В результате сражения, произошедшего 21 июля 1789 года, пятидесятитысячная турецкая армия была рассеяна. Суворов выбил турок и из нескольких близлежащих укреплений. После этой победы полководец писал начальству: «Отвечаю за успех, если меры будут наступательными; оборонительные же – визирь придет. На что колоть тупым концом вместо острого?».

Через некоторое время случилась великая рымникская битва, для которой фокшанская стала своего рода репетицией. Турки начали наступление, опять же ища битвы именно с австрийцами. Для того чтобы отвлечь русские войска, часть турок направилась к Измаилу. Принц Кобургский вновь обратился к генерал-аншефу, Александр Васильевич ответил депешей из одного слова: «Иду!»

7 тысяч русских солдат 7 сентября выступили по направлению к австрийскому лагерю и 10-го числа соединились с союзниками. Турки имели значительное численное превосходство. В их армии под командованием Юсуф-паши было 90-100 тысяч человек. К тому же они занимали хорошо укрепленные позиции. Русско-австрийская же армия насчитывала лишь около 25 тысяч. Поэтому принц предложил вести оборонительные бои. Для Суворова же это было немыслимо, потому он настоял на немедленном наступлении на противника.

Беседуя с Кобургом, он подчеркнул, что раз турки не атакуют, значит, у них не все готово, и единственное спасение – быстрая атака. На сомнения принца по поводу численного превосходства противника Суворов ответил: «Тем лучше, что их больше – тем большая у них будет суматоха». После этого Кобург несколько раз присылал курьера, чтобы выяснить отдельные детали предприятия, на что получал ответы: «Суворов ужинает», «Суворов Богу молится», «Суворов спит». Генерал-аншеф явно не хотел дальнейших переговоров и топтания на месте.

С двумя командирами и несколькими казаками русский полководец лично переправился через Рымну и, забравшись на высокое дерево, осмотрел место предстоящей битвы. Позиции неприятеля были прекрасно защищены от атак: их прикрывали река, леса и овраги, но с другой стороны, те же препятствия мешали вовремя перебрасывать войска из одного турецкого лагеря в другой. На Рымне же даже не были выставлены дозоры. Турецкие войска располагались между реками Рымна и Рымник в трех укрепленных лагерях с интервалами 6-7 километров. Лагерь Тыргу-Кукули примыкал к Рымне, здесь было 12 тысяч турок.

Второй лагерь (около 40 тысяч человек) располагался возле леса Крынгу-Мейлор. На юго-запад от этого места находилась укрепленная деревня Бокзы. В третьем лагере находились главные турецкие силы. Устроен он был у Мартинешти на Рымнике. Резервные силы расположились еще в одном лагере за рекой Рымник у села Одая. Суворов решил разбить врага по частям – каждый лагерь в отдельности. Только так можно было нивелировать численное превосходство противника.

Обычно укрепления, подобные тем, что имел лагерь у Крынгу-Мейлор, атаковала пехота. Не так поступил будущий граф Рымникский. Заметив, что лагерь не достроен, имеет неглубокие рвы и невысокие насыпи, Суворов решил применить кавалерию. Кавалерия быстро преодолела пространство, простреливавшееся турецкими ружьями и пушками, и завязала бой. Пока турки приходили в себя и пытались отразить этот натиск, подбежали суворовские «чудо-богатыри». Укрепленная позиция была прорвана конницей и штыковой атакой. Затем началось преследование бегущего неприятеля. Оно продолжалось на расстоянии 6–7 километров. Верховный визирь пытался любым способом остановить бегущие из Крынгу-Мейлор войска: батарея от Мартинешти даже вела по отступающим огонь, мост через Рымник был взорван, но ничто не помогало – турки в панике бросались в воду и пытались переправляться вплавь. В ходе погони русские с ходу взяли и лагерь у Мартинешти.

На следующий день был взят лагерь у Одая. Генерал Суворов намеревался преследовать противника еще дальше, до реки Бузео, но из-за страшной усталости людей и лошадей, весь день участвовавших в атаках, вынужден был приказать остановиться в турецком лагере. В общей сложности сражение продолжалось 12 часов. Турки потеряли 10 тысяч человек убитыми и утонувшими при отступлении через Рымник и Бузео. Многие попали в плен. Союзникам удалось также взять 100 знамен и 80 орудий. Турецкая армия, снова собравшаяся в Мачине, насчитывала всего 15 тысяч человек. Союзники потеряли убитыми и ранеными около тысячи человек.

По окончании битвы Суворов получил от князя Потемкина срочное послание, в котором светлейший предупреждал генерала о намерениях великого визиря напасть сначала на принца Кобургского, разбить его у Фокшан, а после этого уничтожить и отряд Суворова. Зная огромные силы турок и их сильные укрепления, князь советовал воздерживаться от каких-либо столкновений, пока к корпусу не присоединится еще одна дивизия. Можно себе представить, с каким удовольствием генерал Суворов сообщал командующему, что депеша запоздала и победа над великим визирем уже одержана.

За победу при Рымнике Суворов получил титул графа Рымникского и орден Святого Георгия 1-й степени, который не снимал практически никогда. Это была его любимая награда. Австрийцы дали ему титул графа Священной Римской империи. Посыпались на него и другие награды. Турки трепетали при упоминании Топал-паши, австрийцы называли «генералом-вперед» и уверовали буквально в волшебные силы и удачу этого военачальника.

Но последней точкой, которую поставил Суворов в русско-турецкой кампании, было взятие неприступного Измаила – одна из самых громких побед полководца. (Подробнее см. в издании НРОО «Гильдия молодых библиотекарей» «Не посрамили земли Русской». Патриотический календарь. – Новосибирск, 2011. – С. 363-399).

Измаил был центром обороны турок на Дунае. Окончание войны с Турцией зависело от взятия этой крепости (союзница Австрия уже заключила сепаратный мир с Портой). Крепость играла важную роль в русско-турецких войнах: она не только серьезно препятствовала покорению Добруджи русскими войсками, но и являлась прекрасным убежищем для остатков султанской армии, бежавших из

разгромленных русскими крепостей Аккерман, Бендеры и Хотин. В то время за валами Измаильской крепости укрылись не только беглецы из этих крепостей, но и наиболее зажиточное мусульманское население края.

Русские войска осадили Измаил, но взять его не могли. Поэтому 25 ноября 1790 года главнокомандующий Г. Потемкин направил гонца к Суворову с приказанием выехать из-под Галаца и возглавить русские войска под Измаилом. Штурму предшествовала большая инженерная подготовка (было заготовлено и доставлено из Галаца 70 штурмовых лестниц и 1200 фашин), а затем – тренировка солдат в обращении с лестницами и инженерным инструментом. По приказу Суворова возле села Сафьяны были построены валы и рвы такого же типа, как и измаильские; именно там солдаты учились штурмовать город.

Айдозли-Мехмет-паша отказался принять ультиматум. Штурм был назначен на 11 декабря. Суворов планировал атаковать крепость одновременно в нескольких местах: шестью колоннами (19 500 человек) с сухопутной стороны и тремя колоннами со стороны Дуная (9 тысяч человек). В 5.30 начался штурм, атакующие были встречены огнем 250 орудий противника. Бой за овладение бастионами и всем валом продолжался до 8 часов утра. Турки несколько раз проводили вылазки и контратаковали русских, но бастионы были взяты. Успешно шло наступление со стороны Дуная, где три колонны русских опрокинули турок и закрепились в городе. Высадка началась около 7 часов утра. Русскому десанту сопротивлялось более 10 тысяч турок и татар.

Ожесточенные уличные бои продолжались до 16.00. В город была введена часть русской полевой артиллерии. Турки упорно обороняли каждую площадь и каждый дом. Для полного их разгрома в критический момент в Измаил вошел резерв Суворова. В своем рапорте Александр Васильевич писал: «Не бывало крепости крепче, не бывало обороны отчаяннее обороны Измаила, но Измаил взят», «солдаты мои проявили массовый героизм, забыв чувство страха и самосохранения».

Таким образом, город, который турки считали неприступным, был взят в течение одного суворовского штурма. Потери гарнизона составили 26 тысяч убитыми и около 9 тысяч пленными – свидетельство упорного сопротивления русским. Турки потеряли всю артиллерию, боеприпасы, 42 корабля. Русские потеряли 10 тысяч человек – 4 тысячи убитыми и 6 тысяч ранеными. Отличившийся умелым руководством своей колонной и показавший пример личной храбрости генерал-майор Михаил Кутузов был назначен новым комендантом города.

Считается, что на примере Измаила Суворов доказал ошибочность западно-европейских представлений о взятии крепостей, основывающихся на необходимости долгой и методичной инженерной подготовки. Гениальный русский полководец решился на открытую атаку, которая к тому же была произведена меньшими, чем у противника, силами. Случай уникальный, что отчасти подтвердил и сам генерал, сказав: «На такой штурм можно решиться лишь раз в жизни».

Эта военная операция потрясла всю Европу. В далекой Англии Байрон писал о русском Марсе:

Суворов в этот день превосходил

Тимура и, пожалуй, Чингисхана:

Он созерцал горящий Измаил

И слушал вопли вражеского стана...

Штурм Измаила и победы русского флота на море решили исход войны в пользу России. В 1791 году был заключен Ясский мир, согласно которому Турция признала присоединение к России Крыма, Черноморского побережья от Южного Буга до Днестра и земель по реке Кубань. Порта обязалась также не вмешиваться в дела Грузии.

Александр Суворов не получил чин генерал-фельдмаршала, на который рассчитывал. Императрица, по настоянию Г. Потемкина, ограничилась медалью и почетным званием подполковника Преображенского полка (полковником была сама императрица). По поводу измаильской победы в Таврическом дворце состоялся грандиозный праздник. Звучали стихи Державина, музыка Бортнянского и Козловского, написанные специально в честь славного события. Но Александр Суворов всего этого не

слышал. Императрица отправила его командовать войсками в Финляндию, укреплять там границу. Суворову было поручено также командование над Рончесальмским портом и Саймской флотилией. Гениальному полководцу приходилось заниматься скучной хозяйственной работой. Своей новой должностью он очень тяготился. Даже обращался к царице с просьбой отпустить его волонтером в какую-нибудь иностранную армию.

Наконец в 1792 году Суворов был назначен командующим войсками Екатеринославской губернии и Таврической области. Под его руководством осуществлялось строительство крепостных сооружений в Хаджибее (Одессе). А в 1794 году Александр Васильевич был вновь призван на настоящую войну – в Польшу.

В 1791 году польский король Станислав Понятовский обнародовал конституцию, объявлявшую королевскую власть наследственной. Эти меры встретили противодействие шляхты, составлявшей Тарговицкую конфедерацию. Сторону конфедерации приняла и Екатерина II, не желавшая усиления польской монархии. Образовались две партии: сторонников реформы, или патриотов, выбравших своим вождем Тадеуша Костюшко, и конфедератов.

Военные действия против России и Пруссии были открыты в марте 1794 года. Принявший главное командование Костюшко был провозглашен диктатором. В бою под Рославицами 24 марта Костюшко наголову разбил русский отряд. При известии об этой победе восстала вся Польша. Русские гарнизоны в Варшаве и Вильне были истреблены. Главное командование русскими войсками императрица поручила Румянцеву. Престарелый полководец обратился к государыне с просьбой немедленно прислать Суворова: «Имя его действует лучше многих тысяч». Это было верно как по отношению к русским солдатам – недаром еще под Измаилом, когда туда прибыл Суворов, артиллеристы встречали его салютом, – так и по отношению к полякам, помнившим, как успешно боролся Суворов с барскими конфедератами двадцать лет назад. Екатерина согласилась с Румянцевым, и Александр Васильевич получил соответствующее предписание. «Я направляю в Польшу двойную силу – армию и Суворова», – писала хозяйка Российской империи.

С 10-тысячным отрядом генерал-аншеф прошел с Днестра на Буг, сделав 560 верст за 20 дней. 4 сентября 1794 года Суворов взял Кобрин, 5-го разбил Сераковского под Крупчицами и отбросил к Бресту, 7-го форсировал Буг и 8-го, внезапно атаковав под Брестом Сераковского, полностью истребил его корпус. У Суворова было 8 тысяч человек при 14 орудиях, у Сераковского – 13 тысяч при 28 орудиях. Русские лишились 500 человек, у поляков убито и ранено 5 тысяч человек, а 7 тысяч со всей артиллерией было взято в плен.

Войска Костюшко были уничтожены, а сам он попал в плен. 12 октября Суворов разбил поляков при Кобылке, где русская конница по примеру Рымника понеслась на окопы, и 18 октября подошел к сильно укрепленному предместью Варшавы – Праге, – которую защищали 20 тысяч человек. Маневр суворовских войск Немиров-Прага, особенно пять дней 4-8 сентября из Кобрин в Брест, считается блестящим примером наступательной операции вообще и действий против партизанских отрядов в крупном масштабе в частности.

Кровопролитный штурм Праги 24 октября завершил эту кампанию. «Сие дело подобно измаильскому», – говорил полководец. Из 20 тысяч поляков, защищавших Прагу, было убито и ранено 8 тысяч, утонуло в Висле 2 тысячи, взято в плен 9 тысяч. Русские потеряли 580 убитых и 960 раненых. 29 декабря король Станислав Понятовский был выслан в Россию, а 14 ноября 1795 года сложил с себя корону. В результате очередного раздела страны Польское королевство перестало существовать.

Александр Суворов отправил Екатерине послание: «Всемиловнейшая государыня! Ура! Варшава наша!» Государыня ответила столь же лаконично: «Ура! Фельдмаршал Суворов!» Через некоторое время племянник полководца Александр Горчаков привез знаменитому дяде фельдмаршальский жезл. На действия полководца в Польше отозвались теперь уже чуть ли не все отечественные деятели культуры.

Гаврила Державин отправил Суворову письмо со стихами в его честь:

Пошел – и где тристаты злобы?

Чему коснулся, все сразил:

Поля и грады – стали гробы!

Шагнул – и царства покорил!

В январе 1795 года Суворов стал командующим всеми русскими войсками в Польше, в ноябре 1796 года был поставлен во главе войск Екатеринославской губернии, но пробыл на этом посту недолго. В государстве сменилась власть. Трон занял сын умершей недавно Екатерины Павел I. В духе своего отца Петра III, Павел ввел ряд новшеств по примеру прусской армии. В первую очередь, эти изменения относились к внешнему виду солдат, возродилась шагистика. Суворов на такие реформы реагировал очень резко. Последовала опала.

Суворов был отставлен без права ношения фельдмаршальского мундира, находился под надзором властей. Его письма перехватывались. Отчаявшись когда-нибудь вернуться к военному делу, Суворов начал склоняться к уходу в монастырь и просил императора отпустить его в Нилову Новгородскую пустынь.

Но неожиданно Александру Васильевичу «помогла заграница». Италия оказалась практически полностью покоренной Наполеоном. Европейские государи были в ужасе от возможной перспективы дальнейших французских завоеваний, тем более что проводил их декларирующий свою революционность Бонапарт. Австрия, чьи интересы в Италии были ущемлены самым непосредственным образом, обратилась к Павлу с просьбой отправить свои войска на Апеннинский полуостров, и обязательно во главе с Суворовым.

Так полководец был вызван в Петербург после двухлетней ссылки. Произошла трогательная встреча монарха с фельдмаршалом (теперь он был еще и фельдмаршалом Австрийской империи). Павел обнял старика и сказал «Веди войну, как умеешь». Вскоре Суворов был уже в Вене. Там он произвел на всех большое впечатление, громко заявляя о главном своем принципе: «Штыки! Штыки!» На предложение закончить кампанию у реки Адда, фельдмаршал ответил: «Война начнется при Адде, а закончится, где Бог пожелает». На военном совете графа Рымникского попросили предъявить его план войны. Он положил на стол чистый лист бумаги: «Вот мой единственный план!»

86 тысяч австрийцев под командованием Меласа уже находились в Италии. Им на помощь двинулась 65-тысячная русская армия Суворова. Павел предоставил русскому полководцу полную свободу действий, но венский кабинет подчинил ему свои войска лишь условно. Суворов волен был распоряжаться австрийцами на поле сражения, распределением же их на всем театре военных действий ведал гофкригсрат.

Северную Италию занимала французская армия генерала Моро (58 тысяч, около половины которых находились в гарнизонах крепостей). В южной Италии находилась другая французская армия генерала Макдональда, завоевавшая в предшествующую кампанию Неаполитанское королевство.

4 апреля Суворов прибыл в Виченцу и уже 8-го числа открыл кампанию, двинувшись на армию генерала Моро. План Суворова заключался в разгроме обеих французских армий порознь (сперва Моро, затем Макдональда) и в овладении Северной Италией, где фельдмаршал предполагал устроить базу для похода на Францию. Суворов шел левым берегом реки По, стремясь держаться ближе к Альпам. С ним было 40 тысяч солдат.

16 апреля на реке Адда (у Кассано) Суворов атаковал армию Моро и нанес ей полное поражение. Милан открыл ворота победителю. Здесь Александр Васильевич дал отдохнуть своей армии и пошел на Турин – столицу Пьемонта. 15 мая русские войска вступили в Турин и Алессандрию. Таким образом, практически вся северная Италия была очищена от французов в течение одного месяца, те сохранили за собой лишь Геную и Ривьеру.

4 июня в 10 часов вечера Суворов выступил из Алессандрии навстречу Макдональду. Молниеносным маршем прошел он 85 верст за 36 часов и утром 6 июня обрушился на Макдональда, совершенно не ожидавшего такого стремительного подхода главных русских сил. Этот

блистательнейший из всех, какие знает история, форсированный марш является наиболее ярким применением суворовского принципа: «голова хвоста не ждет».

Полководец заставил солдат бежать в тридцатиградусную жару. Свыше половины войск отстало в дороге. На заявление Багратиона, что у него в ротах не наберется и по 40 человек, Суворов ответил: «А у Макдональда нет и двадцати. Атакуй с Богом!» В последовавшем четырехдневном жестоком бою на реке Треббии (6-9 июня) армия Макдональда была наголову разгромлена и бежала. Суворов использовал в битве три колонны, каждая из которых действовала в заданном направлении на большую глубину. Такая тактика была новшеством в военном искусстве.

8 июня бой достиг крайнего ожесточения, и русские войска, атакованные тройными силами, стали подаваться назад. Суворов потребовал себе коня, поскакал к войскам, и те вновь обрели силы при одном появлении обожаемого вождя. Французы были отброшены по всей линии. 9 июня рано утром французы отступили. Их еле удалось нагнать, причем арьергард сложил оружие. Союзники потеряли более 8 тысяч человек, французы – до 18 тысяч (свыше половины армии, причем 12 тысяч было взято в плен).

Австрийцы не дали Суворову возможности воспользоваться блестящей победой на Треббии. Целый месяц прошел в вынужденном бездействии. Суворов не скрывал возмущения. Его отношения с австрийским верховным командованием, бывшие и до той поры натянутыми, окончательно испортились.

Но в эти дни Суворов был окружен небывалым почетом и вниманием. Сардинский король, за взятие Турина пожаловавший ему крест св. Маврикия и Лазаря, цепь ордена св. Анунциаты, теперь возвел его в ранг великого маршала Пьемонтских войск и гранда королевства с потомственным титулом принца и кузена короля. Узнав об этих почестях, император Павел писал Суворову: «Через сие вы и мне войдете в родство, быв единожды приняты в одну царскую фамилию, потому что владетельные особы между собой все почитаются роднею». Он прислал полководцу собственный портрет, усыпанный бриллиантами.

Город Турин поднес Суворову золотую шпагу, усыпанную драгоценными камнями, с благодарственной надписью. Русский лагерь был переполнен иностранцами, которые дожидались свидания с полководцем. В театрах произносились в его честь стихи, за обедами — даже в частных домах — пили за его здоровье. Изображения Суворова, медали в его честь имели широкое распространение в Европе, особенно в Англии.

Французы смогли довести свою армию в Италии до 45 тысяч. Новым главнокомандующим был назначен генерал Жубер. От Директории он получил однозначный приказ: «Любой ценой достигнуть победы!» 29 июля французская армия перешла в наступление. Она двинулась из Генуи к Александрии, где находился Суворов.

Дойдя до городка Нови, Жубер увидел на равнине войска союзников. Он приостановил свое движение и стал колебаться относительно дальнейшего образа действий. Нерешительность эта оказалась для него роковой. Некоторое время русский полководец ждал, что противник спустится в равнину и начнет сражение, однако Жубер не решился этого сделать. А поскольку он предполагал, что русские и австрийцы не начнут атаки на сильные позиции, то, не разработав никакого плана сражения, лег спать. Утром 4 августа Суворов начал атаку.

Молодой французский командующий получил смертельное ранение. Последними словами генерала было: «Наступать!» Однако принявший на себя командование Моро приказал вести строго оборонительный бой. В 9 часов утра фельдмаршал приказал Багратиону и Милорадовичу наступать на Нови. Вперед под командованием Петра Багратиона пошли 10 русских батальонов, но французы отразили натиск. Вторая атака Багратиона была поддержана Милорадовичем, но также успеха не имела. Суворов сам повел в наступление на французский центр дивизию, французы были вытеснены с равнины, но высоты полностью оставались за ними.

В этот день французы проявили потрясающую стойкость. Они отбивали удар за ударом, переходили в штыковые контратаки. Моро появлялся в самых жарких местах сражения, несколько раз был на волосок от смерти. Комендант Нови Гарданн также проявил недюжинный талант военачальника. Им не уступал в храбрости 70-летний русский полководец. Он метался между частями, ободряя их, отправляя в битву лично каждый полк. Стояла страшная жара, многие солдаты падали не от ударов или пуль, а от изнеможения.

К полудню силы обеих сторон были практически исчерпаны. В этой ситуации все решил подход союзного резерва, который Суворов спешно вызвал на поле боя. Французы уже не имели сил для продолжения боя. В 6 часов вечера Моро приказал отступить, но отступление вскоре превратилось в бегство.

Битва закончилась в 8 часов вечера полным поражением французских войск. 7 тысяч они потеряли убитыми, 3 тысячи попали в плен. В руках союзников оказалась вся артиллерия французской Альпийской армии. Убитых в союзнической армии тоже было много – 6-7 тысяч человек. После поражения при Нови Моро отступил в Генуэзскую Ривьеру. Далее сопротивляться эта армия уже не могла. Практически весь полуостров Суворов очистил за четыре месяца. Недаром поэт писал об этом блистательном походе русского полководца: «В едино лето взял полдюжины он Трой».

Все русские солдаты, участвовавшие в битве при Нови, позже получили щедрые награды от императора Павла I. Сам Александр Васильевич получил титул князя Итальянского, а военным было приказано отдавать честь фельдмаршалу Суворову даже в присутствии его императорского величества.

Суворов гордился итальянской кампанией 1799 года. Когда по окончании боевых действий спросил он в штабе своем, были ли за время похода какие-нибудь случаи неповиновения, то ему ответили, что не было ни одного случая. «Теперь, – сказал Суворов, – узнаю я наше русское войско. Это дисциплине обязан я своими победами, ибо что есть войско без повиновения и каким образом могут толпы вооруженных людей направляемы быть безошибочно к назначаемой цели без власти? Наша служба легка, когда ее дружно поднимают все вместе. Нет! Греки и римляне с нами не сравнятся!»

После освобождения Северной Италии Суворов предполагал развернуть наступление на Францию, нанося главный удар в направлении Гренобль – Лион – Париж. Но этот план был сорван союзниками, опасавшимися усиления влияния России в районе Средиземного моря. Англия и Австрия решили удалить русскую армию из Северной Италии.

Суворову было предписано, оставив в Италии австрийские войска, во главе русских войск направиться в Швейцарию, соединиться с действующим там корпусом генерала Римского-Корсакова и оттуда наступать против Франции. Австрийцы торопили русских, но в то же время чинили препятствия: прислали заведомо недостаточное для горного похода количество мулов, благодаря чему выступление пришлось отложить на две недели. Находившийся в Швейцарии эрцгерцог Карл выступил оттуда, не дожидаясь русских, и оставил на произвол судьбы под Цюрихом только что прибывший из России 30-тысячный корпус Римского-Корсакова.

28 августа русская армия, собравшись в Александрии, выступила в новый поход. 4 сентября Суворов из Александрии прибыл в Таверну – у подножья Альп. Отсюда было два возможных пути на соединение с Корсаковым: кружной – в долину верхнего Рейна и короткий – на Беллинцону, перевал Сен-Готард, долину Рейссы – к озеру Четырех Кантонов. Суворов избрал второй путь, однако австрийцы, советовавшие фельдмаршалу выбрать именно такой маршрут, утаили от него главное: вдоль озера дорог на Швиц не существовало и русская армия неминуемо попадала в тупик.

Недостаток вьючных животных давал себя знать. Полевая артиллерия и обозы были отправлены кружным путем к Боденскому озеру. При войсках оставили лишь полковые орудия, всего 25 горных пушек. У Суворова было всего 20 тысяч человек.

12 сентября армия вышла из Таверны, и 13-го в бою у Сен-Готарда (самый важный горный перевал Швейцарских Альп, высота 2108 м) Суворов, разбив французскую дивизию, открыл себе дорогу

в Альпы. 14 сентября у Чертова Моста на глазах у пораженных французов русские форсировали бурную Рейссу.

Французы, обороняющие этот единственный путь для дальнейшего продвижения русских солдат, частично разрушили мост и держали его под обстрелом. К мосту выходил узкий тоннель, пробитый в огромных практически отвесных утесах. Мост узкий, и каждый, проходивший по нему, неизбежно попадал под обстрел французской пушки, установленной в туннеле и направленной на мост. Поэтому часть солдат отправили верхом через скалы, другие спустились вниз, переправились через бурную реку и по крутому склону вылезли наверх. Увидев это, французы отступили, сбросив пушку в реку.

Солдатам пришлось восстанавливать мост под шквальным огнем неприятеля. (Сейчас напротив Чертова моста, на маленькой площадке развеваются два флага: швейцарский и российский, а над ней в скале вырублен 12-метровый крест. Внизу надпись по-русски большими бронзовыми буквами: «Доблестным сподвижникам генералиссимуса фельдмаршала графа Суворова-Рымнического, князя Италийского, погибшим при переходе через Альпы в 1799 году». Памятник был построен на средства князя Голицына и открыт в 1898 году).

15 сентября армия достигла озера Четырех Кантонов, и здесь Суворов увидел, что дальнейшее движение невозможно из-за отсутствия дорог. Князю Италийскому доложили лишь о двух горных тропах. 16-го числа русские солдаты совершили тяжелейший двенадцатичасовой переход через Роштокский перевал, и 17 сентября армия собралась в Муттенской долине.

Положение русского войска казалось безнадежным. От Швица грозил Массена, только что наголову разбивший при Цюрихе Корсакова. Суворов, узнав об этой трагедии, писал эрцгерцогу Карлу: «За кровь, пролитую под Цюрихом, вы ответите перед Богом». Доступ в Клентальскую долину преграждала дивизия Молитора. Французы обладали тройным численным превосходством над частями русского фельдмаршала, измученными к тому же трудностями горных переходов и холодом.

Ходили рассказы о том, как Суворов, увидев своих голодных солдат, хлебавших ложками воду из горной речки, спросил у них: «Что, братцы, хлебаете?» «Альпийский суп», – хмуро ответили солдаты. Фельдмаршал достал свою ложку и присоединился к ним. После этой трапезы князь Италийский с таинственным выражением лица прижал палец к губам и прошептал: «Ребята, тут в двух переходах от нас французишки засели. У них там всего напечено и наварено. К утру там будем – все наше будет. Только чур – молчок!»

Идти назад на Рошток для Суворова было немыслимо: армия погибла бы при этом отступлении. Оставалось двигаться вперед. В сентябре 1799 года в Муттенской долине перед «чудо-богатырями» стоял простой и страшный выбор – победить или умереть. Собранный Суворовым военный совет постановил: вместо Швица идти на Гларус и Кленталь. Арьергарду Розенберга выпала задача прикрыть этот маневр от армии Массена, начавшей уже от Швица спускаться в Муттенскую долину. Три дня (18, 19 и 20 сентября) части Розенберга бились против французов.

Русская армия сумела прорваться через французские позиции и с боями продвигалась вперед через заснеженные горы и перевалы. Уже практически не осталось провианта и патронов, одежда и обувь изнашивалась, многие солдаты и офицеры были босы. 20 сентября в Муттенской долине 7-тысячный арьергард русской армии под командованием Розенберга разгромил 15-тысячную группировку французских войск под командованием Массены, едва не попавшего в плен, которого гренадер Махотин пытался стащить с лошади. У русского воина остался в руках оторванный генеральский эполет.

Тем временем главные силы армии карабкались по оледенелым кручам, до тех пор считавшимся недоступными. Ночью Багратион, получивший приказ Суворова во что бы то ни стало очистить дорогу на Гларус, возобновил натиск. Пользуясь темнотой и туманом, русские grenадеры незаметно пробрались на утесы, обошли французов с флангов, а затем бросились на них со скал. Французские солдаты отступили, не выдержав неистовой атаки из тьмы. Путь суворовской армии на Гларус был открыт.

От Гларуса началась самая трудная часть пути, предстояло перейти перевал Рингенкопф. Местные жители пользовались этим путем только летом, и то в редких случаях. Поднялась снежная буря, проводники разбежались, войска двигались ощупью по козьим тропам над пропастями. Артиллерию оставили у подножья перевала. Вместе с Суворовым в этом походе участвовал его юный сын Аркадий и великий князь Константин Павлович. Весь поход великого полководца сопровождал швейцарец-проводник 65-летний Антонио Гамма, который на картине В. Сурикова «Переход Суворова через Альпы» изображен рядом с ним.

27 сентября остатки голодной, оборванной, обмороженной и почти безоружной армии спустились в Кур, где впервые за три недели нашли достаточные запасы продовольствия и спокойный ночлег. На сей раз австрийцы были совершенно другими: тут же доставили амуницию, боеприпасы, продовольствие, а также лошадей и фураж. Но от предложения австрийцев воевать дальше Суворов наотрез отказался: у русских на это просто-напросто не было сил.

В начале октября 1799 года прибытием к австрийскому городу Фельдкирху Швейцарский поход Суворова был закончен. 19 октября Суворов привел свою армию в Баварию. В строю после двухнедельного похода оставалось около 15 тысяч солдат. 8 октября в Линдау как нельзя более кстати пришел рескрипт Павла, требующий прекращения поддержки австрийцев. Через два дня Павел приказал малыми переходами, щадя солдат, уходить в Россию.

В Швейцарском походе потери русской армии, вышедшей из окружения без продовольствия и боеприпасов и разбивших все войска на своем пути, составили около 5 тыс. человек (до 1/4 армии), многие из которых разбились при переходах. Однако потери французских войск, обладавших подавляющим превосходством в численности, превосходили потери русских войск в 3-4 раза. Было захвачено в плен 2778 французских солдат и офицеров, половину которых Суворов сумел прокормить и вывести из Альп как свидетельство великого подвига.

Все историки и военные едины в восхищении тем, как Суворов вывел из Швейцарии свою армию, избежав почти неминуемого разгрома и плена. Учитывая тот факт, что вместе с российской армией был спасен и сын императора, Константин Павлович, решение Павла I наградить Суворова чином генералиссимуса не выглядит завышенной наградой. В Чехии и Польше полководца встречали как героя. Впрочем, сам князь Италийский на восторженные комплименты отвечал: «А Ганнибал? Он первым то же сделал». И вообще, русский военачальник был крайне недоволен окончанием кампании 1799 года. «Я бил французов, но не добил. Париж – мой пункт. Беда Европе!» – предсказывал Александр Васильевич.

В русские пределы войска вступили разновременно, большею частью в марте; сам Суворов, захворав вскоре по выезде из Праги, остановился в Кракове, сдал начальство Розенбергу и отдал по войскам прощальный приказ.

Как полководец Суворов не имеет себе равных в истории человечества, не проиграв не только ни одной крупной военной кампании, но даже ни одного сражения (а их у него было множество!). Подобного послужного списка нет ни у одного полководца в мире: от солдата до генералиссимуса.

Почти всегда он имел в своем распоряжении меньше войск, чем противник. Порой на одного русского приходилось по пять-шесть вражеских солдат. И дело тут не только в боевой подготовке его воинов, но прежде всего в «искусстве побеждать», которым Суворов владел в совершенстве, обладая огромными знаниями во всех отраслях военного дела.

Но на протяжении всей военной карьеры Суворов был целью нелепых вымыслов и клеветы; в нем отрицалось дарование и искусство. Многие указывали на Суворова как на человека сумасбродного, невежду, злодея, не уступавшего в жестокости Аттиле и Тамерлану, и не признавали в нем военного гения, хотя им были одержаны блестящие победы над знаменитейшими полководцами его времени. Все это объяснялось простым везением.

Александр Васильевич умел и любил воевать, и именно умением объясняются столь потрясающие результаты его деятельности. По отношению к суворовской тактике и стратегии

специалисты часто ограничиваются описанием их принципов лишь в самых общих чертах. А некоторые даже заявляют, что сила этого полководца была как раз в отсутствии какой-либо заранее выбранной тактики.

Суворов ориентировался по обстоятельствам, делал это быстро, решительно, гибко реагировал на изменения обстановки. Кажется, само имя, само присутствие Александра Васильевича на поле боя было первой и главной причиной победы. Став легендарным символом воинской доблести еще при жизни, Суворов остается им и по сей день, а имя его до сих пор неразлучно в понятиях каждого русского с высшей степенью военного искусства.

Преодоление четвертое. «Нет великого человека без зернышка помешательства»

Суворов вполне олицетворил собою героя трагедии Шекспира, поражающего в одно время комическим буфонством и смелыми порывами гения.

(Д.В.Давыдов)

Когда однажды собрались в доме Александра Васильевича Суворова гости и с интересом стали расспрашивать о его необыкновенной жизни, о поступках его, часто столь непривычных, а порой и просто поразительных, Суворов так ответил им: «Хотите ли меня узнать? Я вам себя раскрою: меня хвалили цари, любили солдаты, мне удивлялись друзья, ненавистники меня поносили, при дворе надо мною смеялись. Я бывал при дворе, но не придворным, а Эзопом и Лафонтеном: шутками и звериным языком говорил правду. Подобно шуту Балакиреву, который был при Петре Первом и благодетельствовал России, кривлялся и корчился. Я пел петухом, пробуждая сонливых, угомоняя буйных врагов Отечества. Если бы я был Цезарь, старался бы иметь всю благородную гордость души его, но всегда чуждался бы его пороков».

При знакомстве с военной биографией полководца не оставляет мысль, что он явился в свой век из какого-то другого, гораздо более позднего времени – настолько новы и необычны были его стратегия и тактика, его способы обучения солдат, его взгляды на методы ведения войны. Создается впечатление, что сам полководец осознавал свой выдающийся талант и, чтобы не раздражать своим превосходством окружающих, скрывал его под личиной чудака, неисправимого оригинала, который даже во дворе не может оставить привычки потешать сановную публику.

Это был расцвет крепостного права и совершенное отсутствие понятия о самоотверженном патриотизме. Екатерина II научила русских гордиться русским именем, но своекорыстия, взлелеянного вековым рабством, искоренить, конечно, не могла: служили своему личному, а не общерусскому; если при этом кое-что перепало России, то конечно только по дороге. Всякий тащил, что только мог, служа своему самолюбию, тщеславию, карману.

Вот в какую компанию попал на общественное служение Суворов; кто по чину, а кто и не по чину, но брали все; а он, воспитанный на Плутархе, слился с идеалом бескорыстного, самоотверженного служения Родине.

Из письма к отцу А.В. Суворова его ротного командира лейб-гвардии Семеновского полка: «Не только товарищи его, но и мы, начальники, почитали его «чудаком». Когда я спросил однажды у него, отчего он не водится ни с одним из своих товарищей, но даже избегает их общества, он отвечал: «У меня много старых друзей: Цезарь, Ганнибал, Вобан... всех и не вспомню. Старым друзьям грешно изменять на новых...». Товарищи его, которых он любит более других, сказывали мне, что от него никак не добиться толку, когда спрашивают его мнение о важных лицах или происшествиях. Он отвечает всегда шуткою, загадкою или каламбуром и, сказав «учись», прекращает разговор».

В таких условиях Суворов не мог явиться открытым, свободным обличителем укоренившихся порядков, его заклевали бы. Он не мог высказывать прямо того, что накопало на душе; не мог и молчать; потому и прибегал к языку Эзоповскому, рабьему, благодаря которому высказывал часто

горькую правду. Но не лгал никогда, а правду прощали за шутовскую форму: чудака-мол; всегда таким был, таким и останется.

Не было в армии более популярного полководца, чем Суворов. Уже само его появление в полках воодушевляло солдат и удручало врагов. С годами он стал настоящим любимцем армии — отважным, смелым, суровым к трусам и бездельникам и в то же время добрым и простым. О его непритязательности ходили легенды. Его простота, воздержность, терпеливость, чуждая всякой неги, сродняли его с воинами, любившими его, как отца. Он примером своим учил, их переносить все трудности жизни.

Однако легенды о неприхотливости Суворова — человека богатого, но скупого — так перемешиваются с реальными фактами, что разделить их трудно, тем более что сам полководец плодил легенды о себе. Как пишет французский посол, на вопрос, верно ли, что Суворов спит одетый, на соломе и даже в ботфортах со шпорами и никогда не расслабляется, тот отвечал, что это неправда: иногда расслабляется — одну шпору отвинчивает.

При крепостном праве солдат видел в офицере не командира, а барина; и для офицера солдат, в свою очередь, был не подчиненным, а рабом. Суворову же нужны были не рабы, из-под палки работающие, а свободные, предприимчивые, безгранично смелые и упорные люди, готовые принести высшую жертву Отечеству, и он достигал этого благодаря своему юродству.

Как и у каждого человека, у Суворова были слабые стороны характера: горячность, нетерпеливость, мнительность, раздражительность. Он сам признавал это и говорил о себе: «Я иногда растение «Noli mi tanger», то есть, не трогай меня, иногда электрическая машина, которая при малейшем прикосновении засыплет искрами, но не убьет». Он был отходчив и совестлив и не стыдился признаться в своей неправоте.

Суворов — личность во многом загадочная, сложная, в ней несколько слоев. Когда читаешь его письма, то кажется, что их писали несколько разных людей — так поразительно меняется стиль. То это простой, незатейливый солдат, не привыкший держать в руке перо, который режет правду-матку в глаза. То — тонкий интеллигент, знаток литературы, истории, уснащающий свои писания сонмом античных образов. То — прижимистый помещик, который напоминает своему управляющему, чтобы тот для экономии бумаги писал письма мелким почерком с двух сторон листа и сам относил на почту. То — типичный царедворец, готовый к унижению, к льстивым словам.... И все это один человек — Суворов.

Он не терпел своих портретов, и только императрица убедила его, после взятия Варшавы, согласиться, чтобы с него списали портрет и сделали бюст. В доме его не было зеркал, и если на отведенной ему квартире оставались зеркала, то закрывались простынями. «Помилуй Бог, — говорил он, — я не хочу видеть другого Суворова». Также он не любил и никогда не имел ни при себе, ни в комнате своей ни стальных, ни столовых, ни карманных часов, говоря, что солдату и без часов должно знать время.

Докторов не только не любил, но даже, когда офицеры или солдаты просились в больницу, то говорил им: «В богадельню эту не ходите. Первый день будет тебе постели мягкая да кушанье хорошее, а на третий день тут и гроб! Доктора тебя уморят. А лучше, если нездоров, выпев чарочку вина с перечком, побегай, попрыгай, поваляйся, и здоров будешь!»

Никогда не курил, но днем любил нюхать табак. В будничные дни держал золотую табакерку, а в праздник осыпанную бриллиантами, с портретом императрицы Екатерины II или с вензелями Иосифа Второго, и других европейских государей, одаривавших его табакерками, и менял их почти ежедневно, но не любил, чтобы нюхали из его табакерки. Исключение было только для князя Григория Семеновича Волконского, с которым он был в дружбе.

В армии Александр Васильевич никогда не обедал один (Суворов никогда не завтракал и никогда не ужинал). Стол накрывался всегда на пятнадцать, на двадцать и более приборов, для военных генералов и прочих чинов, составлявших его свиту. Суворов никогда не садился на хозяйское место, а всегда с боку, по правую сторону стола, на самом углу. Столовый прибор для него был особенный.

Всегда оловянная ложка, на образец серебряной. Когда случалось, спрашивали его, почему он предпочитает оловянную ложку, он отвечал, что – в серебре есть яд. Нож и вилка его были с белыми костяными черешками; стакан и рюмки также отличные от других.

Кушанья не ставили на стол, а носили прямо из кухни, с огня, горячее, в блюдах, обнося каждого гостя и начиная со старшего. Суворову же подносили не всякое блюдо, а только то, которое он всегда ел. За столом он любил, чтобы гости беспрестанно говорили; в случае же тишины вскрикивал: «да говорите, братцы, что-нибудь!» Но ему очень не нравилась мода на все французское. При нем никто не смел говорить без нужды между собой по-французски. Сам генерал-аншеф обращался к этому языку лишь в разговоре с иностранцами, не знавшими русского, и всегда советовал им поскорее его выучить.

Со многими людьми у Суворова были тяжелые отношения, особенно с генералами — товарищами по оружию. Он часто показывал им свой вспыльчивый, необузданный и склочный характер. Всех поголовно он считал бездарностями и ничтожествами и не скрывал этого. В то же время он выпрашивал, кланчил, требовал награды, вечно считая себя обиженным врагами, обделенным: «Вашему сиятельству и впредь служу, я человек бесхитростный... лишь только, батюшка, давайте поскорее второй класс» (из письма к И. П. Салтыкову с требованием о награде орденом Святого Георгия 2-й степени).

И если его справедливо величают «солдатом-полководцем», то можно еще добавить, что он оставался философом и поэтом, обладающим ироническим взглядом на собственную персону. В одном из писем, уже будучи офицером, он так охарактеризовал свое состояние (сильно болел, был истощен и измучен) четверостишием на французском языке:

Теперь я – кожа да кости, подобно скелету.

Зол, как осел, у коего стойла и пищи нету.

Бесплотен, как тень, пролетающая в облаках,

Беспомощен, как корабль, гибнущий в бурных волнах.

Его тяготило пребывание при дворе. «Здесь поутру мне тошно, а с вечеру голова болит! Перемена климата и жизни. Здешний язык и обращения мне незнакомы». Он не умел отдыхать, пребывая в безделье: «Животное, говорю я, нам подобное, – писал Суворов А.И. Бибикову, – привыкает к трудам, пусть даже с заботами сопряженными, и лишившись их, почитает себя бессмысленной тварью: продолжительный отдых усыпляет».

В вызывающем, шутовском поведении великого полководца — соединение множества комплексов. Комплекс неполноценности и одновременно чувство превосходства, уверенность победителя и боязнь поскользнуться на придворном паркете. Чудачества Суворова — это его система защиты, стремление скрыть свою стеснительность, неловкость, неумение вести себя в непривычной обстановке, боязнь показаться смешным.

Став знаменитым, Суворов уже не снимал с себя шутовской маски и во дворцах. Он передвигался буквально бегом даже по коридорам, не ездил на коне, а скакал, весь был как будто на пружинах. Вел аскетический образ жизни, даже не находясь в походе. При дворе позволял себе разные детские выходки. То прыгал на одной ноге в приемной императрицы, то кричал петухом (любимая шутка Суворова, так он, например, будил иногда солдат), то сочинял эпиграммы. Известный анекдот рассказывает, как Суворов кланялся на приеме, как монаршей особе, изобретателю Кулибину, которого очень уважал.

Екатерина многое простила любимцу армии. Однажды императрица спросила на каком-то балу, чем угостить Суворова.

– Благослови, матушка, водкой!

– Но что подумают фрейлины, когда будут с вами разговаривать?

– Они поймут, что имеют дело с настоящим солдатом!

Павел, услышав, что Суворов с насмешкой отзывается о нововведениях в армии и говорит: «Пудра – не порох, букли – не пушка, косы – не тесаки, и все мы – не немцы, а русаки», – велел фельдмаршалу приехать к нему и в разговоре сказал Суворову:

– Надобно вам, фельдмаршал, оставить ваши странности и причуды.

– Поздно мне меняться, государь, – ответил Суворов. – А что касается странностей моих и причуд, то должен доложить Вашему Императорскому Величеству, что августейшая матушка ваша, Екатерина, тридцать лет терпела мои причуды и во дворце, и тогда, когда шалил я под Туртукаем, на Рымнике и под Варшавой.

Павел промолчал, но не забыл.

Преодоление пятое. «Царев гнев — посланник смерти»

«Жизнь столь открытая и известная, какова моя, – писал Суворов, – никаким биографом искажена быть не может. Всегда найдутся неложные свидетели истины».

1799 год. Итало-Швейцарский поход – вершина полководческого искусства Суворова. Хотя к победам российского оружия в XVIII веке уже успели привыкнуть, все же изумленная Европа собственными глазами увидела, как сильнейшая армия континента – французская – терпела одно поражение за другим от российских войск на полях Италии. Затем Швейцарский поход. Он не принес громких побед, но показал воочию, на что способны русские богатыри даже в тех невероятных условиях, в которые были поставлены российские войска из-за коварства и прямого предательства союзников.

Суворову рукоплескала вся Европа. В России полководцу готовился торжественный прием. Для него были отведены комнаты в Зимнем дворце. В Гатчине его должен был встретить флигель-адъютант с письмом от государя. Войска предполагалось выстроить шпалерами по обеим сторонам улиц Петербурга. Солдатам предписывалось встречать генералиссимуса барабанным боем и криками «ура», при пушечной пальбе и колокольном звоне, а вечером приказано было зажечь иллюминацию.

Но оказалось, что Суворова ждал не триумф, а опала. Как разгадать ее тайну?

Получила широкое распространение версия о том, что Суворов подвергся немилости из-за интриг неизвестных завистников и недоброжелателей. Высказывались и сомнения в возможности когда-либо разъяснить эту загадку. Самый авторитетный из дореволюционных биографов полководца – А.Ф. Петрушевский проанализировал все эти версии и показал, что ни одна из них не может быть признана состоятельной. Он пришел к заключению, что причина опалы «заключается не в поступках Суворова, а в духовной натуре Павла I, для выяснения которой требуется исследование не столько историческое, сколько патологическое».

6 ноября 1796 года умерла Екатерина II, на престол вступил ее сын Павел I. Его воцарение прошло как будто безболезненно для последнего фаворита императрицы П.А. Зубова. Вопреки ожиданиям Павел не подверг его опале, а, напротив, демонстративно проявлял уважение и заботу. Истинные чувства Павла к любимцам своей матери проявились в отношениях к брату фаворита В.А. Зубову, стоявшему во главе русских войск в Персии. Павел отозвал войска в Россию. Минуя Зубова, царь послал повеление каждому полковнику выступить «в непременно квартиры», так что сам главнокомандующий со своим штабом и генералитетом чуть было не попал в плен. Но казачий атаман М. Платов ослушался и остался охранять главнокомандующего. По возвращении в Россию Платов оказался в опале, а Зубов вышел в отставку.

Действия Павла в Персии дали первый толчок для образования вокруг В. Зубова оппозиции служивших ранее под его начальством офицеров. Военные преобразования царя встретили резкое сопротивление в офицерских кругах. Особенно сильно оно проявилось в ближайшем окружении Суворова. Он не ввел в действие новые уставы, не распустил своего штаба, по-прежнему сам увольнял офицеров в отпуск.

Еще при воцарении Павла в ближайшем окружении Суворова вынашивались планы государственного переворота. Полковник А.М. Каховский, служивший ранее в штабе фельдмаршала, его любимец и в то же время человек, тесно связанный с братьями Зубовыми, обдумывал возможности мятежа. Его мысль состояла в том, чтобы в Новороссии, в военном округе, подчиненном Суворову, распространить среди солдат слухи о том, что Павел собирается все переделать по прусскому образцу и намерен изменить православную религию.

Для пущей убедительности Каховский замыслил переодеть какого-нибудь преступника фельдъегерем, якобы присланным царем, повесить этого «царского гонца», поднять дивизию Суворова, присоединить к ней стоявший в Полтаве пехотный полк своего дяди В.Л. Давыдова, получить подкрепление в Киеве и других городах, двинуть войска на Петербург и свергнуть императора.

Каховский не открыл своего плана Суворову, но зондировал его мнение на этот счет: «Удивляюсь вам, граф, как вы, боготворимый войсками, имея такое влияние на умы русских, в то время как близ вас находится столько войск, соглашаетесь повиноваться Павлу». Идеи заговорщиков, видимо, находили отклик в душе Суворова, но затевать гражданскую войну он не хотел. «Молчи, молчи, – ответил он Каховскому, – не могу. Кровь сограждан».

До Павла доходили какие-то сведения о далеко идущих замыслах, обсуждавшихся в окружении Суворова, открыто не подчинявшегося распоряжениям императора. Двадцатого декабря 1796 года был сделан первый выпад императора против Суворова — отмена собственного повеления о назначении его шефом Суздальского пехотного полка. Затем один за другим следуют выговоры: за посылку офицеров курьерами, за увольнение их в отпуск без разрешения императора, за аттестацию их для производства в чины.

У Суворова уже созрело решение: воспользовавшись предоставленным дворянам правом не служить, попроситься в отставку. Но он не может бросить дело всей своей жизни. Он знает, что на него смотрят тысячи глаз. Суворов подает рапорт о предоставлении ему годовичного отпуска. Следует сначала отказ, затем требование немедленно отправиться в Санкт-Петербург. И тогда он подает прошение об отставке.

В конце 1796 года начались преследования и П.А. Зубова. Павел отрешил его от всех должностей, наложил большие денежные взыскания и, наконец, 3 февраля 1797 года повелел ему уехать за границу.

6 февраля 1797 года появился приказ императора: «Фельдмаршал граф Суворов отнесся к Его Императорскому Величеству, что так как войны нет и ему делать нечего, за подобный отзыв отставляется от службы». В это время полководец находился в Москве. Он спросил у полицейского офицера, сколько ему дается на подготовку к отъезду. Полицейский ответил: «Четыре часа, ваше сиятельство». «Помилуй Бог, – отвечал фельдмаршал, – слишком много милости: для Суворова довольно и одного часа». С 18 верными офицерами, подавшими в отставку, полководец переехал в свое имение Кобринский ключ. Там офицеры были арестованы, а сам Суворов под надзором переведен в другое свое имение, Кончанское.

Совпадение этих дат едва ли случайно. Дочь Суворова была замужем за старшим из братьев, Н.А. Зубовым. И эта родственная связь, вовсе не предполагавшая единства замыслов, в глазах подозрительного царя, конечно же, казалась опасной.

Узнав об очевидной немилости государя к фельдмаршалу, оживились все недоброжелатели Александра Васильевича. Посыпались нелепые обвинения известного своим бескорытием военачальника в лихоимствах, в разорении усадеб польских помещиков в последнюю войну, расплачиваться приходилось и за долги давно расставшейся с ним жены – исков насчитывались сотни.

Майор И.Ф. Чернозубов вчинил ему иск на восемь тысяч рублей, полковник Л. Шиллинг фон Канштадт – на три с половиной тысячи. Всех превзошел польский граф Ворцель, представив иск на пять тысяч шестьсот двадцать восемь червонцев. Не осталась в стороне и Варвара Ивановна, потребовавшая от мужа его московский дом и ежегодную пенсию в восемь тысяч рублей. И в результате получилась

кругленькая сумма – около ста тысяч, а доход его со всех имений составлял лишь половину этого. Двухэтажный отцовский дом обветшал, сад почти одичал. Граф поселился в простой крестьянской избе.

Суворов вынужденно занялся хозяйством. Строился в усадьбе дом, рубились службы, ставились беседки и светелки, сажались плодовые деревья, разводились огороды. Присматривал он также, как дворовые обучались пению, а ребята грамоте, бывал и на полях у крестьянской работы. Хаживал он и по крестьянским дворам, мирил ссорившихся, слаживал свадьбы, праздничал на венчаньях и крестинах, забавлялся с ребятами на улице в бабки. Когда кто-нибудь удивлялся этому, то Суворов отвечал: «Сейчас в России столько фельдмаршалов, что им только и дела, что в бабки играть».

Такой его ответ объяснялся тем, что за свою более чем полувековую службу он был свидетелем производства в звание фельдмаршала четырнадцати генералов, причем последним из них был он сам, получив звание фельдмаршала в 1794 году, будучи в возрасте шестидесяти четырех лет, за взятие Варшавы. А при императоре Павле, отставившем Суворова от службы, только за один год фельдмаршалами стали восемь генералов. Отсюда и ирония.

Его здравый ум проявлялся и в умении вести сельское хозяйство. Суворов наставлял своих крепостных: «Лень рождается от изобилия... В привычку вошло пахать иные земли без навоза, от чего земля вырождается». Беспокоят его не только «производственные показатели». Он пишет управляющему: «У крестьянина Михайлы Иванова одна корова! Следовало бы старосту и весь мир оштрафовать... Купить Иванову другую корову из оброчных моих денег... Особенно почитать таких неимущих, у кого много малолетних детей. Того ради Михайле Иванову сверх коровы купить еще из моих денег шапку в рубль».

Когда приходилось сидеть дома, то читал книги и прочитал их множество, так что глаза стали болеть пуще прежнего. Особенно пристально следил за «неистовым корсиканцем». В начале сентября 1798 года к Суворову приехал старый сослуживец генерал-майор Прево де Люмиан, отправленный Павлом I узнать мнение Суворова о том, как вести войну с французами в современных условиях (победы Наполеона вызвали обеспокоенность русского двора). Суворов продиктовал девять правил ведения войны, отражавших наступательную стратегию полководца.

Еще коротал он время за ломберным столиком, играл в карты, шашки, домино. Вставал со светом, ходил много, рьяно молился в церкви. На зиму устраивал подобие зимнего сада — «птичью горницу»: кадки с деревьями, снегири, щеглы, синицы перепархивали с ветки на ветку. Здесь он прогуливался меж деревьев, принимал гостей.

Александр Васильевич устроил в имении театр из крепостных: «Васька комиком хорош, а трагиком лучше будет Никита, только должно ему поучиться выражению, что легко по запятым, точкам, двоеточиям, вопросительным и восклицательным знакам... В рифмах выйдет легко... Сверх того французской грамматике заставь учиться исподволь Алексашку, парикмахера».

Сохранился словесный портрет Суворова тех лет: небольшого роста, худощав, морщинист, редкие седые волосы, небольшие бегающие голубые глаза пронзительны, светятся энергией. Взгляд, движения отличались необыкновенной живостью. Он не знал покоя. Веселый, общительный, Суворов любил потанцевать — как он говорил, «попрыгать», выписывал из Москвы анчоусы, цветную капусту, вина пил мало, любил английское пиво.

Но все это лишь коротало ему время, а за настоящее дело, за работу, не шло, так что скоро стала его одолевать скука смертная, особенно осенью и зимой.

22 апреля в Кобрин прискакал отставной коллежский асессор Юрий Николев с предписанием императора и на следующее утро фельдмаршала увезли, даже не позволив ему сделать распоряжений по имению. 12 мая петербургский генерал-губернатор Николай Архаров рапортовал императору о доставлении Суворова 5-го числа в Боровичи и водворении его в купленном еще его отцом селе Кончанском, расположенном в лесной глуши на границе Новгородской и Тверской губерний.

Передав отставного фельдмаршала под присмотр боровицкого городничего Вындомского, Николев вновь уехал в Кобрин, чтобы арестовать оставшихся там офицеров. Среди них был и адъютант Суворова

Фридрих Антинг. Арестованные были посажены в Киевскую крепость, но после двух месяцев дознания отпущены по домам, поскольку никакой вины за ними установить не удалось. Павел I лично распорядился всем им, в первую очередь Антингу, уехавшему к семье в Санкт-Петербург, запретить какие-либо контакты с опальным полководцем.

Ссылка длилась почти два года. Надзор за опальным фельдмаршалом был предельно строгим. Николев доносил о каждом шаге Суворова. Тому было запрещено ездить в гости к соседям. Появлявшихся в округе офицеров арестовывали и доставляли в Петербург на допрос к Павлу. Правда, верные своему командиру офицеры, переодетые слугами, тайком прорывались в Кончанское и привозили важные вести.

Для Суворова, человека служилого, как и для всех в России, была актуальна поговорка: «Царев гнев — посланник смерти». Между тем Суворов привык к царевой ласке, ведь каждому подданному только царская милость давала уверенность в завтрашнем дне. Не было у него в селе Кончанском и свободы: каждое письмо вскрывалось, за ним во все глаза следили шпионы, а главное — полководец был оторван от любимого дела, от своих солдат и воздуха войны, которым он только и мог дышать. Жизнь двигалась к концу. Суворову шел шестьдесят девятый год, и он все больше и больше падал духом. В декабре 1798 года он написал императору Павлу о своем желании уйти в монастырь. Это было так не похоже на него, человека жизнерадостного, веселого, волевого, настроенного на борьбу.

Летом 1798 года в руки Павла попали сведения о существовании в Смоленской губернии оппозиции его режиму, которая, с одной стороны, была связана с братьями Зубовыми, а с другой — ориентировалась на наследника престола. Обсуждался вопрос об убийстве Павла. В таком неблагоприятном контексте всплыло имя Суворова, ранее открыто выражавшего ранее Павлу свою оппозиционность. В воспаленном воображении царя все разнородные течения слились в один всеобщий заговор.

По иронии судьбы именно в тот момент, когда над головой Суворова сгустились тучи, в Европе складывалась новая антифранцузская коалиция, в которую вошла и Россия. Австрия и Англия потребовали, чтобы по главе союзных войск, предназначенных для действий против Франции, был поставлен знаменитый полководец. Поэтому 4 февраля 1799 года Павел подписал рескрипт о назначении фельдмаршала главнокомандующим армией, действующей в Италии. В длинном списке выигранных Суворовым баталий нет Кончанского. Но здесь он одержал одну из самых выдающихся побед — нравственную победу над силами разрушения. Не Суворов, а Павел был вынужден уступить.

Но это вовсе не означало, что Суворов полностью прощен. Отнюдь не случайно, поставив его во главе войск, император не издал указа о зачислении фельдмаршала на действительную службу. Неудачи на театре военных действий, конечно, усугубили бы его положение, но никакие победы не могли заставить Павла забыть о том, что Суворов в свое время не донес на оппозиционно настроенных офицеров.

Пока Суворов на глазах изумленной Европы вписывал одну из замечательных страниц в историю военного искусства, Павел оказывал неизменное благоволение полководцу: 8 августа возвел его в княжеское достоинство, 24-го приказал отдавать военные почести, подобные отдаваемым особе государя, 28 октября присвоил ему звание генералиссимуса, повелел подготовить проект статуи, прославляющей суворовские победы. Но демонстративно поощряя полководца настолько, насколько это могло способствовать успеху боевых действий и росту внешнеполитических акций России, Павел ни на минуту не забывал о прошлом. Поэтому вместо триумфа по возвращении Суворова ждала очередная опала.

Не в парадной карете, а в дорожном возке под покровом сумерек прибыл в Петербург граф Суворов-Рымникский, князь Итальянский, граф Священной Римской империи, фельдмаршал русской и австрийской армий, генералиссимус русских сухопутных и морских сил, великий маршал пьемонтских войск, наследственный принц Сардинского королевского дома, кузен короля, гранд королевства,

кавалер всех русских и многих иностранных орденов. Он остановился в доме своего родственника Дмитрия Хвостова на Крюковом канале.

Когда Суворов еще находился в Праге, он стал испытывать первые серьезные признаки недомогания, а потом и болезни. Заболел-то он намного раньше, еще в Швейцарии. Но, собрав все силы в кулак, потому что его здоровье было здоровьем армии, а его болезнь, если бы он ей поддался, стала бы ее немощью, Суворов держался изо всех сил, понимая, что его нервами и его несокрушимым духом живет все воинство. В Кракове он слег, но, пролежав несколько дней, велел ехать дальше. С трудом сопровождавшие Суворова довели его до Кобрина, куда примчался из Петербурга личный врач Павла И.И. Вейкарт. На время Суворову стало лучше, и он решил ехать дальше.

Ему сказали, что в Петербурге его ждет триумфальная встреча – с пушечной пальбой и колокольным звоном. Однако вслед за тем пришло известие, что никакой встречи не будет. Суворову запретили посещать Зимний дворец. Поводом было то, что в Итальянском и Швейцарском походах Суворов держал при себе дежурного генерала, что полагалось иметь только монарху (это был М.А. Милорадович, впоследствии смертельно раненный 14 декабря 1825 года на Сенатской площади). Имя полководца исчезло со страниц газет. Напоследок его лишили любимых адъютантов. Даже Суворов не выдержал: 6 мая 1800 года в 1 час 35 минут пополудни скончался.

Свидетельства, сделанные в те печальные дни, рисуют картину всеобщего горя. Погребение Суворова, несмотря на желание похоронить его просто (из гвардейских частей в процессии участвовала одна Конная гвардия), происходило при огромном стечении народа. Все улицы, по которым его везли, усеяны были людьми. Все балконы и даже крыши домов наполнены были печальными и плачущими зрителями.

Катафалк с гробом под высоким балдахином везли на дрогах шесть серых лошадей, приодетых с головы до ног черным сукном. Император приказал придать тело земле в Александро-Невской лавре.

Последним выражением истинных чувств Павла к гениальному полководцу стало то, что он не участвовал официально в погребальном шествии и прощальной церемонии, а предпочел производить смотр гусар, лейб-казаков и Аральских казаков, а затем был на вахт-параде, после которых удалился во внутренние покои. Только в 6 часов вечера, когда траурная церемония была завершена, он выехал в город на обычную прогулку.

Когда гроб с телом Суворова вносили в монастырские ворота, казалось, что пышный балдахин не пройдет. Хотели снять его, но один из унтер-офицеров, несших гроб, крикнул: «Небоись! Пройдет! Везде проходил!» И гроб прошел. Эти слова, повторяемые из уст в уста, стали прекрасной народной эпитафией победоносному полководцу и герою.

Эпилог. Качели забвения

*Не вдохновляться его делами, значит забыть.
(Генерал и военный теоретик М.И. Драгомиров)*

Александр Васильевич Суворов – полководец необычайной и редкой судьбы. Слава пришла к нему в последние 12 лет жизни. Его победы снискали ему известность и признание.

Памятник А.В. Суворову, украсивший в 1801 году Петербург, был отлит по повелению Павла I еще при жизни полководца. Его открыли на Марсовом поле через год после кончины Суворова и через два месяца после убийства заказчика.

Памятник российскому герою стал третьим монументом в России с изображением реального исторического лица. Первым был знаменитый Медный всадник, установленный на Сенатской площади в 1782 году; вторым — памятник Петру I у Михайловского замка (1800); четвертым стал памятник Минину и Пожарскому на Красной площади. Скульптор Михаил Иванович Козловский в полном соответствии с принципами классицизма изобразил «российского Геркулеса» в виде Марса — бога войны.

Подчеркивая свое уважение к памяти героя, император Александр пожаловал княгиню Итальянскую графиню Варвару Ивановну Суворову-Рымникскую в статс-дамы и наградил ее орденом Святой Екатерины.

Пророчество гениального стратега, предупреждавшего об опасности французского нашествия, сбылось. В год смерти Суворова австрийцы были разгромлены, изгнаны из Италии, снова оказавшейся под пятой Наполеона. Попытка новой коалиции (Великобритании, Австрии, России, Швеции) остановить европейского диктатора ознаменовалась полным разгромом австрийской армии и тяжелым поражением русской при Аустерлице 20 ноября (2 декабря) 1805 года. Вена подписала унижительный Пресбургский мир, а Россия продолжила военные действия в союзе с Англией и Пруссией. Через год пробил грозный час для прусской армии, принятой императором Павлом за образец для подражания. В сражениях при Йене и Ауэрштедте пруссаки были разгромлены.

Настал черед русских. Затяжная и малоуспешная кампания 1806 года закончилась поражением при Фридланде и заключением Тильзитского мира, по которому Россия признала наполеоновскую Францию гегемоном континентальной Европы. Российское общественное мнение, приученное в течение десятилетий к победам, было потрясено. Поражения при Аустерлице и Фридланде заставили осознать непривычную истину: враг у ворот Отечества! Способна ли русская армия защитить государственную целостность и независимость России? Неужели французы, которых Суворов совсем недавно громил в Италии, стали непобедимыми?

Правящие круги империи лихорадочно принялись за усиление вооруженных сил. Пришлось спешно обратиться к наследию русской военной школы. Одна за другой начинают выходить книги о Румянцеве, Потемкине, Орлове и, разумеется, Суворове.

Еще до Аустерлица в Москве в 1805 году известный переводчик Василий Кряжев, один из активных участников офицерской оппозиции гатчинским реформам, перевел и выпустил в свет книгу «Жизнь Павла I, императора и самодержца Всероссийского. Писанная на немецком языке российской службы офицером». Подлинным ее героем оказался не император, а Суворов, подвигам которого в Италии и Швейцарии посвящена большая часть книги.

В 1806 году дождался своего часа Михаил Антоновский. Изданная им суворовская «Наука побеждать» быстро разошлась и пользовалась огромным успехом. Найденное Антоновским название выражало самую суть выдающегося военно-литературного труда. В 1809 и 1811 годах последовали два новых издания, а между ними вышла военно-теоретическая работа самого Антоновского «Наука успешно воевать по правилам Великого Военачальника Суворова», посвященная тактике действия колоннами. Всего с 1806 по 1812 год «Наука побеждать» была издана девять раз!

Десятки документов полководца, отражающих его неутомимую деятельность во время Итальянского и Швейцарского походов, печатает «Военный журнал».

В 1811 году выходит «История генералиссимуса князя Итальянского, графа Суворова-Рымникского», написанная Егором Борисовичем Фуксом. В самый канун Отечественной войны историк и публицист Сергей Николаевич Глинка, собиратель и большой знаток суворовского эпистолярного наследия, выпускает книгу «Жизнь Суворова, им самим описанная, или собрание писем и сочинений его».

Все понимали, что Тильзитский мир — всего лишь передышка перед решающей схваткой с властелином Европы. Готовя нападение на Россию, Наполеон сознавал, что ему придется иметь дело с армией, отличавшейся от армий европейских государств, помнившей заветы своих непобедимых вождей. По приказу императора французская разведка, для которой он не жалел средств, собирала досье на русских полководцев, в том числе на покойного Суворова.

Среди видных российских военачальников в то время находились сподвижники и ученики великого полководца: князь Петр Багратион и Александр Тормасов (командовали армиями), Михаил Милорадович и Алексей Ермолов, Николай Лавров (командир гвардейского корпуса) и казачий атаман Матвей Платов, князь Андрей Горчаков и Яков Кульнев. Суворовские заветы знали тысячи и тысячи

нижних чинов и офицеров. Среди прославленных героев Отечественной войны был и бесстрашный партизан Денис Давыдов, мальчиком получивший напутствие самого Суворова.

В самый критический период войны во главе объединенной армии встал Михаил Кутузов. «Пусть всякой помнит Суворова, — говорилось в приказе Кутузова от 29 октября 1812 года. — Он научал сносить и голод, и холод, когда дело шло о победе и о славе русского народа».

В 1812 году история вынесла свой приговор. Русская армия разгромила мощную агрессивную военную машину Запада и внесла решающий вклад в освобождение Европы. Диктатор был повержен. Русские знамена развевались в столице Франции. Однако на параде в Мобеже граф Михаил Семенович Воронцов услышал упрек от императора Александра — сыну «гатчинского капрала» показался недостаточно четким марш проходящих частей. Ответ одного из самых доблестных русских генералов был по-суворовски краток и смел: «Это тот самый шаг, которым русская армия дошла до Парижа!»

Вспоминать имя такого человека, но не следовать его системе, не вдохновляться его делами, именно и значит забыть. Даже не только забыли, а как бы в насмешку над великой тенью так втерли солдату ненавистное Суворову «не могу знать», что оно слышалось чуть не на каждом шагу. Для него чем солдат был живее, восприимчивее, тем лучше; после него первая забота была вытравить «сей вредный дух» и обезличить солдата.

Не забыл великого полководца Наполеон, сосланный на затерянный в бескрайних просторах Атлантического океана остров Святой Елены. Диктуя воспоминания, бывший властелин Франции, прославленный при жизни как гений всех времен и народов, отметил в Суворове сильную волю и характер, позволявшие ему с его армией творить чудеса. Но, заявлял низложенный император, русский полководец не имел настоящего военного таланта и не может быть причислен к сонму великих. В другом месте своих обширных воспоминаний Наполеон признал «блестящие успехи» Суворова в Итальянской кампании, но тут же назвал его «варваром, обогранным кровью несчастных поляков».

Уложивший на полях сражений миллионы своих и чужих солдат, заставивший поляков участвовать в беспощадном подавлении борьбы испанского народа за независимость и в Русском походе, диктатор пытался оправдаться перед историей. Наполеон развивал старый миф о России — освободительнице Европы как главной угрозе цивилизации. Русские национальные герои становились мишенями в кампании по созданию образа «империи зла». Однако ранее, в письмах из Египта, перехваченных англичанами, он говорил Директории, что Суворова до тех пор не остановят на пути побед, пока не постигнут особенного его искусства воевать, и не противопоставят ему его собственных правил.

В самой России в обстановке патриотического подъема, охватившего все слои общества, суворовская тема, наряду с обсуждением недавних событий и ожиданием отмены крепостного права, по-прежнему занимала самое видное место. Лучшие офицеры широко использовали суворовский опыт для обучения подчиненных. Забота о солдатском быте, отказ от жестоких наказаний, напоминание о славных традициях Румянцева, Потемкина, Суворова — все это красной нитью проходит в приказах начальника 16-й пехотной дивизии графа Михаила Орлова, одного из видных деятелей ранних декабристских организаций.

Другой будущий декабрист, Никита Муравьев, разбирая биографию Суворова, изданную Траншан де Лаверном в Париже в 1809 году, в разгар культа Наполеона, доказывал в своих статьях, что «Суворов основал свое искусство на быстроте и натиске сосредоточенных сил» и «многие правила военного искусства занял Наполеон у великого нашего Суворова».

Отказ Александра I выполнить обещания, данные народу в грозный час 1812 года, установление режима аракчеевщины привели к разрыву между властью и передовой частью общества. Династический кризис декабря 1825 года спровоцировал вооруженные выступления в Петербурге и на Украине. Когда-то близкие к Суворову офицеры призывали его поднять оружие против засевших в столице гатчинцев. Великий воин и гражданин ответил отказом, сознавая пагубные последствия

гражданской войны. Молодые патриотически настроенные люди, большей частью офицеры, решили рискнуть; в результате подавления их выступления реформы были отодвинуты на долгие десятилетия.

Разгромив оппозицию, Николай I стал проводить охранительную внутреннюю политику. В армии насаждалась палочная дисциплина. Но государь явно благоволил к памяти Суворова. Именно в его царствование сложился культ русского военного гения и народного героя.

Император устранил несправедливость, допущенную его родителем, подтвердив право внука генералиссимуса князя Александра Аркадьевича титуловаться «светлостью». В его царствование увидели свет (1825—1826) три тома документов под названием «История российско-австрийской кампании 1799 года под предводительством генералиссимуса князя Итальянского, графа Александра Васильевича Суворова-Рымникского», собранных Е.Б. Фуксом. Собрать документы указал еще Александр I в ответ на попытки австрийцев, прежде всего эрцгерцога Карла, дискредитировать деятельность Суворова в 1799 году.

Питомец Кильского университета Фридрих фон Смитт, добровольцем вступивший в русскую армию и доблестно сражавшийся против Наполеона, сделал важный шаг по пути создания научной биографии непобедимого полководца, издав в 1833 году на немецком языке первую часть книги «Souwogows Leben und Heerzuge» («Жизнь и походы Суворова»). Вторая часть была опубликована в 1858 году, перевод всей книги — в 1866-1867 годах.

В 1843 году Николай Полевой выпустил свою живо и ярко написанную «Историю князя Итальянского, графа Суворова-Рымникского», богато иллюстрированную гравюрами Р. Жуковского, А. Коцебу, Т. Шевченко и на долгие десятилетия ставшую самой популярной биографией полководца. Полевой выполнил заказ верховной власти — подменил подлинный и принципиальный конфликт Суворова с императором Павлом мнимыми гонениями на него Потемкина.

Событием в отечественной военно-исторической науке стал капитальный труд «История войны России с Францией в царствование императора Павла I в 1799 году». Первое издание, начатое еще А.И. Михайловским-Данилевским (ум. в 1848 году) и доведенное до печати Д.А. Милютиным, вышло в 1852-1853 годах в преддверии Крымской войны. Второе издание (1857), также в трех томах, было удостоено одной из высших академических наград.

Своего рода художественным дополнением к этим томам стала монументальная серия картин, посвященных Итальянскому и Швейцарскому походам Суворова, выполненная по заказу императора известным художником-баталистом А. Коцебу. Начатая в годы неудачной для России Крымской войны против мощной коалиции (Англия, Франция, Турция и Сардинское королевство) серия была закончена в 1860-х годах и украсила галерею Зимнего дворца, став напоминанием о славном прошлом.

Имя Александра Васильевича Суворова неизгладимо запечатлелось в народной памяти. И при его жизни, и первое время по смерти, песни и предания о нем были довольно многочисленны; в том числе немалая доля носила на себе баснословный характер. Легендарные рассказы о Суворове нашли себе место даже в высшем русском обществе и ходили не в одной России, а также в Турции, Польше, Швейцарии. Из числа генералов нового времени, кроме Суворова, один только Кутузов остался в преданиях русского народа; но о нем упоминается несравненно реже и меньше, хотя 1812 год был для народа гораздо важнее и ближе всех войн, вехенных Суворовым. Причиною такого внимания народа к Суворову была необыкновенная цельность и оригинальность его личности, громадное дарование, выражавшееся в фактах поразительных, и внутренняя связь его с солдатом, а следовательно и с народом, из которого солдат вышел.

Самая большая доля песен и легенд о нем пущены в народ солдатами, и ими же поддерживались и распространялись. Солдатский оттенок виден особенно в песнях. Песни, в которых упоминается Суворов, относятся к Семилетней войне, к обеим Турецким, к штурму Измаила и Праги, отчасти к Итальянской кампании. Исторических фактов в них искать нельзя; тут все перепутано, перемешано и очень многое просто выдуманно.

Однако анахронизмы, извращения и вымыслы имеют одно общее свойство: характеристика Суворова в них выдержана с замечательным единством. Тут он является любимым, избранным героем; к нему не относят ни одного темного дела или сомнительного поступка; он чист ото всего дурного; он один ничего не боится и ни перед чем не робеет. Песня подметила и особенность суворовского военного искусства - предпочтение холодного оружия огнестрельному, что и высказывается при разных случаях.

Вера в Суворова так велика, что бороться с ним представляется делом, больше чем рискованным. Поляки говорят:

*«Лучше сквозь земли пройтись,
От Суворова уйтись».*

К туркам делается такое обращение:

*«Ты, Гассан,
Попадай нам в руки сам
И не делай тамо споров,
Где Рымникский граф Суворов».*

Суворов выхваляется за правдивость, за честную службу, за любовь к солдату:

*«Здравствуй, здравствуй граф Суворов,
Что ты правдою живешь,
Справедливо нас солдат ведешь.
Ты военностей не тужишь,
Рад хочь в воду и огонь,
Ты царице верно служишь».*

Как бы впоследствии всех таких добрых качеств, являются в одной песне стихи:

*«С предводителем таким
Воевать всегда хотим».*

В год 50-летия со дня смерти Суворова внука умершего полководца, Александра Аркадьевича офицеры и солдаты полков, которыми командовал его дед, просили выполнить последнюю волю Суворова. Они рассказывали, как, возвращаясь из швейцарского похода, полководец ехал через Баварию, Богемию, Австрийскую Польшу и Литву. Всюду его встречали с триумфом и оказывали королевские почести. В городе Нейтингене Суворов осмотрел гробницу австрийского фельдмаршала Лаудона. Читая многословные, пышные надписи, прославлявшие Лаудона, Суворов задумался и тихо, едва слышно сказал правителю своей канцелярии: «К чему такая длинная надпись? Завещаю тебе волю мою. На гробнице моей написать только три слова: «Здесь лежит Суворов». Волю его нарушили. На месте погребения положили плиту с длинной, витиеватой надписью: «Генералиссимус, князь Итальянский, граф А. В. Суворов-Рымникский, родился в 1729, ноября 13-го, скончался 1800, мая 6 дня».

Александр Аркадьевич прислушался к голосу соратников полководца, долго хлопотал и, наконец, выполнил волю деда, заменив эту надпись короткой, в три слова: «Здѣсь лежить Суворовъ».

Култ Суворова не изменил принятой в России военной системы. Николай I, как и его предшественники, исповедовал тот же гатчинский подход к военному делу, ставил форму выше духа, в муштре видел суть учения. Предупреждение Суворова не было услышано, расплатой стало поражение в Крымской войне.

О торжестве гатчинского духа (формализма и слепого подражательства) свидетельствует вопиющий факт: в созданной в 1832 году по повелению императора Николая I Военной академии будущие офицеры Генерального штаба («мозг армии») более полувека усваивали курс военной истории преимущественно на примерах деятельности иностранных полководцев — Карла XII, Фридриха II, Наполеона, а опыт их победителей оставался в тени. Таков был красноречивый результат павловской системы, отбросившей русское военное искусство на десятилетия назад. В войнах, которые пришлось вести России после победы над Наполеоном, только одного полководца можно назвать подлинным

наследником Суворова. Это Михаил Дмитриевич Скобелев, особняком стоящий среди высшего военного руководства страны.

В 1862 году в Великом Новгороде был воздвигнут монумент «Тысячелетие России». А.В. Суворов изображен среди 128 фигур самых выдающихся личностей в российской истории (на 1862 год).

Двадцать четвертого ноября 1873 года в Петербурге был торжественно открыт памятник Екатерине II (автор проекта М. Микешин, скульпторы М. Чижов и А. Опекушин). Низ постамента, на котором стоит могучая фигура великой государыни, опоясывает скамья, на которой помещены девять выдающихся деятелей ее царствования. В центре сидит Потемкин, попирающий ногой турецкую чалму, слева от него Румянцев, а справа в непринужденной живой позе стоит Суворов, что-то говорящий князю Таврическому. Три прославленных фельдмаршала олицетворяли воинскую славу России.

Генерал-лейтенант А.Ф. Петрушевский в 1884 году выпустил в трех томах первое издание книги «Генералиссимус князь Суворов». На обширнейшем, во многом новом документальном материале он проследил жизненный и боевой путь великого воина, убедительно доказав, что тот входит в когорту самых выдающихся полководцев мировой истории.

В это время на континенте появилась новая грозная сила — Германская империя, объединенная под эгидой Пруссии. Стало очевидно, что Европу ждут большие потрясения. Конечно, в эпоху бурного развития техники и путей сообщения, массовых армий, комплектование которых обеспечивалось всеобщей воинской повинностью, военное искусство претерпело огромные изменения. Но в деле обучения и воспитания служивых суворовские заветы оставались крайне актуальными. Видный военный деятель М.И. Драгомиров настойчиво пропагандировал «Науку побеждать» и другие приказы и наставления Суворова для «развития у солдат воли, бесстрашия, верности воинскому долгу, чувства боевой доблести, инициативы и активности».

Сказывались и крайне осторожное отношение верхов к родной истории, неумение сделать ее живым достоянием всех слоев общества. Достаточно сказать, что такой выдающийся историко-культурный памятник, как записки Екатерины Великой, опубликованные эмигрантом Герценом в Лондоне в 1859 году, находился под запретом до 1907 года.

Россия проигрывала идеологическую борьбу с Западом — и не только. Ф.М. Достоевский, предсказавший нашествие бесов, писал: «История у нас дала бы духовные идеи, история спасла бы от растления и направила бы ум юноши хотя бы в мир исторический из отвлеченного бреда и бурды, составляющих духовный мир нашего общества... История, по крайней мере, вселила бы уважение к историческим формам жизни человеческой, дала бы смысл». В дневник за 1881 год он с тревогой занес мысль о пассивности народа в почитании своих исторических героев, хотя и отметил, что, помимо Алексея — человека Божьего, в народе помнят и чтят Суворова и Кутузова.

Приближалась памятная дата — столетие со дня кончины великого полководца; это событие должно было отмечаться в мае 1900 года. Одним из инициаторов торжественной акции стал 81-й Апшеронский пехотный полк. В год памяти полководца у него также была круглая дата — 200 лет со дня его создания, поэтому апшеронцы решили в течение трех лет — с 1 июня 1897 года до 1 мая 1900 года — отчислять четверть процента получаемого жалованья «для сооружения памятника А.В. Суворова, под начальством которого полк участвовал в походах». В феврале 1898 года группа профессоров Академии Генерального штаба представила доклад об увековечении памяти полководца. Император высочайше одобрил почин и повелел 2 марта 1898 года учредить при Главном штабе особую комиссию для разработки этого вопроса.

В сферу деятельности «Суворовской комиссии» входили: сбор сведений о сохранившихся предметах, связанных с памятью великого полководца; рассылка подписных листов и сбор пожертвований, составление предложения об установлении в период войсковых вольных работ одного дополнительного дня, заработанные деньги от которого поступили бы в Суворовский фонд, а также утверждение сооружения музея, а не памятника. На комиссию возлагалась также первоначальная разработка условий конкурса и программы проекта здания будущего музея. Заседания проходили в

здании Главного штаба на Дворцовой площади, и первое состоялось 15 октября 1898 года. Туда же начали поступать первые пожертвования.

27 марта 1898 года Финляндский полк сделал первый коллективный взнос. Одновременно с этим открывалась добровольная подписка как в стране, так и среди офицеров российских войск. Наибольшее количество пожертвований в «Суворовскую складчину» (так всенародно окрестили Суворовский фонд) внесла российская армия. Добровольная подписка по сбору денег на создание музея получила всеобщую поддержку. Одними из первых прислали свой подарок – бюст полководца – учащиеся миргородской школы имени Н.В. Гоголя. География подарков для музея была обширной, всем хотелось принять участие в этом славном деле.

Ко времени открытия музея сумма добровольных взносов составила 298 тысяч рублей. Недостающие 90 тысяч рублей выделило Военное министерство. Таким образом, планы в отношении музея можно было откорректировать в лучшую сторону: вместо небольшого здания появилась возможность соорудить что-то более величественное.

Суворовская комиссия обратила внимание на деревянную церковь в селе Кончанском, которая была сооружена во имя святого Александра Невского, небесного покровителя полководца. Во времена своего пребывания в Кончанском (в 1797 – начале 1799 года) фельдмаршал много внимания уделял ей: молился, помогал в службе священнику и даже пел на клиросе.

Было решено перенести церковь в Петербург и установить на Преображенском плацу. Церковь была разобрана за три дня. Для облегчения сборки на бревнах были сделаны метки разных цветов. Потребовалось 330 подвод, чтобы подвезти ящики с разобранным храмом и ее принадлежностями до станции Боровичи. Затем все имущество на нескольких эшелонах по железной дороге было доставлено в Петербург. Департамент железнодорожных дел решил внести свою лепту в суворовский праздник: «С 5 марта 1900 года, впредь до окончания перевозки, деревянная церковь села Кончанского будет перевезена по Николаевской железной дороге, от станции Боровичи до станции Санкт-Петербург, бесплатно».

Ровно через месяц, 23 апреля, все работы были закончены, а 3 мая 1900 года в 10 часов утра состоялось освящение церкви. В следующем году вокруг нее возвели каменную обводную галерею. Ее внутренняя отделка была закончена в 1904 году на средства церковного старосты В.П. Крутова, пожертвовавшего на это свыше 10 000 рублей. В то же время в селе Кончанском на месте перенесенной церкви была возведена новая, каменная. В 1917 году старостой церкви был бывший военный министр А.Н. Куропаткин. В 1925 году церковь была разобрана.

Памятную суворовскую годовщину отмечали в мае 1900 года как в Петербурге, так и в других городах России. Вблизи собранной церкви из села Кончанского была разбита большая походная палатка, надпись над входом в которую гласила: «Суворовский музей». Однако это был не музей, а только собрание предметов, объединенных именем полководца. Перед палаткой был установлен гипсовый бюст А.В. Суворова, выкрашенный бронзовой краской, работы скульптора Н.И. Рукавишникова. У подножия бюста была помещена бронзовая трофейная пушка, отбитая у французов в сражении при Нови 4 августа 1799 года. После празднования суворовских дней под временный Суворовский музей был отведен зал в здании Академии Генерального штаба, находившейся тогда еще на Английской набережной.

Газета «Русский инвалид» писала 11 июня того же года, что «уже имеется 190 предметов, из коих 129 собственность музея, а 61 – на временном хранении». В 1901 году членами Суворовской комиссии была создана «Опись памятникам и предметам во временном помещении Суворовского музея при Николаевской академии Генерального штаба». Все предметы в музее были разделены на 14 разделов и классифицировались по внешним признакам или по принадлежности. К примеру: 1) вещи, принадлежавшие лично Суворову; 5) изображения Суворова; 10) карты, планы, документы; 13) сочинения о Суворове. Фактически это был первый путеводитель по музею, называвший имена многих дарителей и предоставивших экспонаты на временное хранение.

8 июня 1901 года состоялась торжественная закладка здания Суворовского музея. Строительство стало общенациональным делом, и все, кто участвовал в нем, считали это почетным долгом. Многие из них поступались своими коммерческими интересами, делали скидки на свои работы, а то и выполняли их безвозмездно. В строительстве принимали участие ведущие заводы Петербурга.

Внутренняя отделка музея была довольно строга: потолки и стены побелены, и лишь внизу стены были отделаны глазурованной малиновой плиткой. «Под карнизом залов музея 59 надписей с наименованием мест, связанных с боевой деятельностью А. В. Суворова, в падугах центрального зала барельефы двуглавых орлов».

На правой стороне фасада помещена мозаика Н.А. Шабунина «Отъезд Суворова из Кончанского в поход 1799 года» (когда ссыльный полководец получил письмо царя с призывом спасти Австрию и Италию от Бонапарта). Левая картина А.Н. Попова «Переход Суворова через Альпы в 1799 г.» изображает эпизод Швейцарского похода русской армии. 8048 килограмм смальты для мозаики были отпущены с Императорского стеклянного завода безвозмездно.

Выполнять картины в мозаике взялся комитет «Общества взаимного вспомоществования русских художников». Изготовление мозаики с картины Н.А. Шабунина было поручено мозаичисту М.И. Зоценко. По преданию, елочку в углу одной из картин составил маленький Миша Зоценко – будущий известный советский писатель.

Начавшаяся в 1904 году война с Японией заставила отменить широкомасштабное празднование открытия Суворовского музея. 13 ноября 1904 года, в 175-ю годовщину со дня рождения полководца, состоялось торжественное открытие музея. К его открытию Петербургский монетный двор выпустил памятную медаль, которая вручалась лицам, внесшим особый вклад в создание музея. В Эрмитаже хранится золотой вариант этой медали. С того времени ежедневно, кроме понедельников, с 11 часов утра до 4 часов дня, в том числе и в праздничные дни, музей был открыт для посетителей.

В главном здании Академии Генерального штаба, в зале Михаила Ивановича Драгомирова состоялось торжественное заседание академической конференции. Доклады профессоров Николаевской академии Генерального штаба, казалось, поставили точку в давнем и совершенно надуманном споре о месте Суворова в военной истории: он, бесспорно, гениальный полководец, смелый новатор, великий стратег, мастер добиваться победы малой кровью. Но в 1905 году русским людям пришлось до дна испить чашу позора: поражение в Русско-японской войне. Командование и самый дух войск явно оказались не на высоте.

К началу Первой мировой войны удалось значительно повысить боеспособность русской армии. Однако вместо суворовской быстроты высшее военное руководство проявляло поспешность, вместо натиска — действовало вяло и неуверенно. Это привело к проигрышу кампаний 1914 и 1915 годов и к затягиванию войны. Брусиловский прорыв, закончившийся разгромом австро-венгерской армии, и выдающаяся победа Н.Н. Юденича над турецкой армией (1916), казалось, приблизили долгожданную победу. Но время было упущено. Высшее военное руководство принудило Николая II к отречению от престола.

В 1916 году вышел первый том книги Василия Алексеевича Алексеева «Письма и бумаги Суворова». Известный переводчик античной литературы занялся Суворовым в канун столетней годовщины его кончины и посвятил всю свою последующую деятельность разысканию, исследованию и публикации суворовских текстов. Алексеев посетил десятки архивов в столицах и провинции, разослал сотни запросов всем, кто мог дать какие-либо сведения об эпистолярном наследии А.В. Суворова.

С особой тщательностью исследователь выверял тексты уже опубликованных писем, восстанавливая пропуски, устраняя неточности, связанные как с цензурным вмешательством, так и с небрежностью переписчиков и издателей. Его прочтение суворовских писем можно назвать классическим, а саму деятельность Василия Алексеевича — научным подвигом.

В том же году пришлось еще раз позаботиться об увековечении памяти о Суворове. Его конный монумент, установленный 6 ноября 1913 года на Рымникском поле в Румынии (сооружен на личные

средства императора Николая II одесским скульптором Б. Эдуардсом), после поражения румынской армии и наступления немцев был снят с пьедестала и эвакуирован в Россию. Памятник, увезенный в Одессу, простоял там всю Гражданскую войну, годы пятилеток, фашистскую оккупацию. Он украсил главную площадь Измаила после освобождения города Красной армией.

В 1918 году при формировании большевиками регулярной армии в служебную «Книжку красноармейца», утвержденную В.И. Лениным, Я.М. Свердловым и Н.И. Подвойским, были включены такие популярные изречения Суворова, как «Сам погибай, а товарища выручай», «Каждый воин должен понимать свой маневр», «Три воинские искусства: первое — глазомер, второе — быстрота, третье — натиск». Эти и другие заветы свидетельствовали о популярности великого полководца и жизненности воинских принципов, сформулированных им.

Но вскоре история страны была объявлена «проклятым прошлым», Уничтожались памятники, переименовывались города и поселки, улицы и площади. Суворовская тема звучала в узких профессиональных военных кругах, но из массового сознания изгонялась память о великом полководце и патриоте. Музей Суворова в Ленинграде был закрыт, большая часть собраний была впоследствии продана за границу. В 1930-х годах в здании размещался Аэромузей. Во время блокады Ленинграда здание было повреждено бомбой. В 1950 году начались работы по его восстановлению. Открылся музей в 1951 году. С 1988 по 1998 года он был закрыт на реставрацию и вновь открыт для посетителей 8 мая 1998 года.

Двухсотлетний юбилей генералиссимуса прошел в СССР незамеченным. О тогдашнем отношении официальной идеологии к полководцу красноречиво свидетельствует отзыв (1933) советского критика И.В. Евдокимова о картине В.И. Сурикова «Переход Суворова через Альпы»: «Художник чувствовал сусальную выдуманную фальшь, которой окружено имя «придворного полководца», выступающего под видом «народного героя». «Героя» не могло получиться. Суворов — это строгий ревнитель палочной дисциплины, традиционный генералиссимус с «орлиным взором», щедро швыряющий «живую солдатскую массу» в ущелья и провалы Альп, совершающий безумный по бессмысленности поход с тысячами ненужных жертв во славу петербургского двора... Добросовестной, бесконечной и многолетней работе не суждено было оказаться удачной. «Заказ» сорвался. Суриков не смог «загореться» героикой итальянского (?) похода... Отдельные лица превосходны... но в целом картины нет».

Только накануне нового столкновения с Западом в отечественной идеологии произошли важные перемены. Изгнанная из учебных заведений история вернулась в школы и вузы. Лозунги мировой революции сменил культ тщательно отобранных исторических героев России: Александра Невского, Дмитрия Пожарского, Кузьмы Минина, Петра I, Суворова, Кутузова. «Генералиссимус всех войск Российских» сделался героем книг, театральных постановок и фильмов. Причем проглядывалась тенденция противопоставить полководца самодержавной власти в лице фаворита Екатерины Потемкина и самого императора Павла.

На самом деле Суворов и Потемкин ценили друг друга. Из писем Г.А. Потемкина Александру Васильевичу: «Мой друг сердешный, ты своей персоной больше десяти тысяч. Я так тебя почитаю и, ей-ей, говорю чистосердечно»; «Я не нахожу слов изъяснить, сколь я чувствую и почитаю Вашу важную службу, Александр Васильевич. Я так молю Бога о твоём здоровье, что желаю за тебя сам лутче терпеть, нежели бы ты занемог». (5 X. 1787 г.) Из письма А.В. Суворова: «Ключ таинства моей души всегда будет в Ваших руках». (5 XI. 1787 г. Кинбурн.)

22 декабря 1940 года, в 150-летнюю годовщину взятия Измаила, в селе Кончанское-Суворовское, где А.В. Суворов отбывал ссылку, был открыт памятник полководцу. Юбилею была посвящена серия почтовых марок, на одной из которых показан эпизод штурма крепости, портрет полководца и его высказывание «Смерть бежит от сабли и штыка храбрых».

Слава Суворова достигла апогея в годы Великой Отечественной войны. Когда враг стоял у стен Москвы, в кабинете Верховного главнокомандующего появились два новых портрета — Суворова и

Кутузова. На историческом параде 7 ноября 1941 года на Красной площади И.В. Сталин напутствовал уходящие на фронт войска словами: «Война, которую вы ведете, есть война освободительная, война справедливая. Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков — Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьмы Минина, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова!» И сам парад, и речь Сталина — живое воплощение великой связи времен.

Александр Суворов вел на подвиги солдат и офицеров Красной армии. На многих почтовых карточках, открытках и секретках были напечатаны суворовские выражения «Тяжело в ученье, легко в бою», «Русские прусских всегда бивали». Эти и многие другие заветы великого патриота и защитника Родины знали миллионы людей на фронте и в тылу.

Именем Суворова был назван полководческий орден трех степеней, учрежденный в тяжелые дни отступления на юге летом 1942 года. С гордостью носили орден Суворова самые прославленные полководцы Красной армии — И.С. Конев и К.К. Рокоссовский, Л.А. Говоров и А.М. Василевский, Ф.И. Толбухин и Р.Я. Малиновский, К.А. Мерецков и И.Д. Черняховский. Первым кавалером высшей степени ордена стал маршал Победы Георгий Константинович Жуков. Состоялось свыше семи тысяч награждений этим орденом. Десятки партизанских отрядов, бригад и соединений, действовавших на оккупированной территории, носили имя А.В. Суворова.

Имя Суворова получили военные училища для мальчиков-сирот, созданные по типу кадетских корпусов старой России. В первоначальном проекте они именовались сталинскими, но Верховный главнокомандующий назвал училища суворовскими.

В разгар войны (1942 г.) открылся музей великого полководца в селе Кончанском. 150-летие со дня смерти Суворова отмечалось в 1950 году по всей стране как событие государственного значения. 18 мая в Москве на площади Коммуны был торжественно заложен памятник Суворову, о котором «Правда» писала в передовой статье: «Прошло полтора века... но не меркнет слава военного гения русского народа, жива память о нем в сознании народном. Благодарные потомки никогда не забудут блистательных походов Суворова, прославивших нашу Родину».

Торжественное собрание в честь Суворова состоялось в Центральном театре Советской армии. Специальное заседание провела Академия наук СССР. По всей стране проходили Суворовские чтения, устраивались выставки, открывались музеи (в Кобрине, Очакове, Измаиле, Тимановке). Был восстановлен Суворовский музей в Ленинграде, здание которого сильно пострадало от немецкой бомбы. Большим тиражом были изданы (с 1949 по 1953 год) четыре тома документов Суворова — самое полное собрание свидетельств жизни и деятельности гениального полководца.

150-летие со дня смерти А.В. Суворова было отмечено также выпуском серии советских почтовых марок. На одной из марок этой серии изображен орден Суворова, советские солдаты и приведены слова полководца: «Доброе имя должно быть у каждого честного человека; лично я видел это доброе имя в славе своего отечества».

Сборники документов из грандиозной серии под названием «Материалы по истории русской армии», книги о Суворове, Кутузове, других выдающихся русских полководцах и флотоводцах продолжали по инерции выходить во время хрущевской оттепели. Лебединой песней выдающегося военно-патриотического сериала, начатого во второй половине 1930-х годов, стал фильм, посвященный адмиралу Ушакову, прозванному «морским Суворовым».

Но во времена оттепели все заметнее становилось пренебрежительное отношение к родной истории. Н.С.Хрущев, уверовавший в то, что безопасность страны гарантирована ракетно-ядерным оружием, предложил заменить ордена, носившие имена великих предков, орденами имени Фрунзе и Тухачевского. Страну накрыла волна памятников Марксу, Энгельсу, Ленину и ленинцам, а закладной камень на площади Коммуны все ждал, когда он превратится в памятник великому полководцу.

Монумент (скульптор О. Комов) был открыт только через 32 года. В это же время были созданы памятники в Тирасполе и Симферополе. После «оттепели» появились выпады против Суворова в стихах советских поэтов: он вез Пугачева на казнь. На одном из живописных полотен советская художница

изобразила железную клетку, из которой «народный вождь», одетый в кумачовую рубаху, грозил своим тюремщикам во главе с Суворовым.

В те грозные дни осени 1774 года для Суворова не существовало вопроса, как поступить. Он видел, во что превратился край, в котором бушевал мятеж. При всей справедливости народного возмущения против крепостнических порядков (об этом честно писали и Бибиков, и Маврин, и Державин) восстание действительно было «политической чумой». В автобиографии 1790 года Суворов счел нужным остановиться на своей тогдашней деятельности: «Сумасбродные толпы везде шатались; на дороге множество от них тирански умерщвленных, и не стыдно мне сказать, что я на себя принимал иногда злодейское имя. Сам не чинил нигде, ниже чинить повелевал, ни малейшей казни, разве гражданскую, и то одним безнравным зачинщиком, но усмирять человеколюбивою ласковостью, обещанием Высочайшего Императорского милосердия».

250-летие со дня рождения генералиссимуса прошло в 1980 году скромно, на ведомственном уровне. Символично, что в юбилейный суворовский год на экраны вышел двухсерийный фильм о Пугачеве. Сам Суворов такой чести не удостоился.

В 1986 году в рамках серии «Литературные памятники» были изданы письма Суворова, в обзоре от издателя написано: «Письма Суворова являются важнейшим историческим памятником второй половины XVIII века — эпохи, на которую приходится разрешение великих исторических задач, стоявших перед Россией на протяжении нескольких столетий».

Сражавшиеся в Афганистане советские воины нуждались в моральной поддержке, а им снова и снова навязывали отжившие свой век лозунги. Вместо «милого солдатского братства», которое вдохновенно строил и воспитывал Суворов, в солдатской среде укоренилось такое позорное явление, как дедовщина.

Забвение прошлого наряду с другими причинами привело к краху государства. Великая держава перестала существовать. Ордена с именами великих защитников Родины были упразднены. Суворовцы перестали появляться на военных парадах.

В конце тысячелетия ситуация изменилась. В 1994 году была учреждена медаль Суворова, а в 2010 — орден: позолоченный крест, в центре которого медальон с изображением полководца. С февраля 2018 года имя генералиссимуса А.В. Суворова носит один из залов Национального центра управления обороной Российской Федерации.

Имя полководца получили и ряд военных кораблей и гражданских судов, в том числе: эскадренный броненосец «Князь Суворов» типа «Бородино», введенный в строй в 1904 году; легкий крейсер проекта 68-бис «Александр Суворов», введенный в строй в 1953 году; атомный ракетный подводный крейсер проекта 955А «Генералиссимус Суворов», заложенный в 2014 году.

Именем Суворова названы атоллы, населенные пункты, астероид, площади, улицы и другие объекты во многих городах. Есть улица имени Суворова и в Новосибирске.

9 мая 2014 года итогами общенародного голосования в проекте «Имя Победы», проводимого Российским военно-историческим обществом и ВГТРК при поддержке Министерства культуры РФ Александр Васильевич Суворов был выбран наиболее выдающимся полководцем России.

В 1999 году российские граждане и представители русского зарубежья вместе с гражданами Швейцарии встретились на перевале Сен-Готард по случаю двухсотлетия похода Суворова. Торжества ознаменовались открытием памятника русскому полководцу. Он стоит на вершине небольшой горы и прекрасно смотрится снизу. Вблизи памятник вызывает противоречивые чувства: сгорбленный старик с изможденным лицом, сидящий на невзрачной лошадке, которую ведет под уздцы бодрый проводник-швейцарец. Не грозного полководца представляет он, а какого-то Дон Кихота.

Но разве осенью 1799 года Суворов не оказался в положении страдальца за общее дело? Призванный спасти Европу русский полководец и его армия были брошены союзниками на верную гибель в Альпах. Какая тяжесть ответственности лежала на плечах Суворова! Речь шла о чести и славе

России, которой он преданно и доблестно служил всю жизнь. Эти трагичные мгновения передал русский скульптор Дмитрий Тугаринов.

Израженный в битвах, тяжелобольной старик распряился во весь свой былинный рост и вместе со своими чудо-богатырями совершил последний подвиг — пробился из окружения и поднял славу России на такие вершины, которые и по сей день остаются предметом восхищения и тревожат воображение европейцев неразгаданной тайной русской души.

В центре Европы встал памятник одному из самых замечательных сыновей России, о котором Г.Р. Державин сказал проникновенные слова, как нельзя лучше характеризующие великого полководца: *«СЕ РОССКИЙ ГЕРКУЛЕС: ГДЕ, СКОЛЬКО НИ СРАЖАЛСЯ, ВСЕГДА НЕПОБЕДИМ ОСТАЛСЯ, И ЖИЗНЬ ЕГО ПОЛНА ЧУДЕС!»*

ИСТОЧНИКИ:

- Анисимов, Е.В. Дворцовые тайны. Россия, век XVIII / Е.В. Анисимов. – Санкт-Петербург, 2006. – 320 с.
- Баландин, Р.К. Сто великих гениев / Р.К. Баландин. – Москва: Вече, 2004. – 478 с.
- Балязин, В.Н. Неофициальная история России. Путь к вершинам империи: XVIII – начало XIX века / В.Н. Балязин. – Москва: ОЛМА Медиа Групп, 2008. – 576 с.
- Воскобойников, В.М. Жизнь замечательных детей. Кн. 2 / В.М. Воскобойников. – Москва: Оникс, 2006. – 192 с.
- Генералиссимусы / сост. А.В. Веко. – Минск: Литература, 1997. – 736 с.
- Драгомиров, М.И. «Генералиссимус князь Суворов» А. Петрушевского / М.И. Драгомиров // Суворов А.В. – Наука побеждать. – Москва: Эксмо, 2011. – С. 5-18.
- История государства Российского. Жизнеописания. XVIII век. – Москва: Книжная палата, 1996. – 445 с.
- Карнацевич, В.Л. 10 гениев войны / В.Л. Карнацевич. – Харьков: Фолио, 2005. – 382 с.
- Лопатин, В.С. Суворов / В.С. Лопатин. – Москва: Молодая гвардия, 2013. – 127 с.
- Лопатин, В.С. Суворов и Потемкин / В.С. Лопатин. – Москва: Наука, 1992. – 288 с.
- Михайлов, О.Н. Суворов / О.Н. Михайлов. – Москва: Молодая гвардия, 1980. – 494 с.
- Митюрин, Д. Суворовы: семейство победителей / Д. Митюрин // Русская история. – 2018. - №5. – С. 18-20.
- Пономарев, И.А. К столетию открытия Суворовского музея / И.А. Пономарев // История Петербурга. – 2004. - № 5. – С. 38-52.
- Романкевич, М. Штурм Измаила / М. Романкевич // Исторический журнал. – 2008. - №3. – С. 29-39.
- Сафонов, М. Последняя опала генералиссимуса / М. Сафонов // Родина. – 2001. - №12. – С. 38-41.
- Суворов, А.В. Наука побеждать / А.В. Суворов. – Москва: Эксмо, 2011. – 480 с.
- Память об Александре Суворове [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Память_об_Александре_Суворове (дата обращения 17.05.2018).
- Перевал Сен-Готард в Швейцарии [Электронный ресурс] // Autotraveler.ru: путешествуем на авто. – Режим доступа: <https://autotraveler.ru/switzerland/gotthardpass.html#.Wsca9rh-gQU> (дата обращения 06.04.2018)
- Петрушевский, А. Генералиссимус князь Суворов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://history.scps.ru/suvorov/pt00.htm> (дата обращения 10.04.2018).